

Александр К. Золотько
Цель – Перл-Харбор
Серия «Всеволод Залесский», книга 3

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6444733

Золотько А. К. Цель – Перл-Харбор : фантастический роман : Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-66209-8

Аннотация

Наш человек на фронтах Великой Отечественной... Невероятное путешествие из января 2011-го в июль 1941-го не только позволило Всеволоду Залесскому узнать настоящую правду войны, но и превратило его из простого студента в полноправного члена группы хронокорректоров. Их задача – воздействовать на Реальность таким образом, чтобы привычные нам учебники истории не превратились в забавные фантастические «альтернативки». И когда у Всеволода появилась возможность вернуться в родной XXI век, он без колебаний остался в прошлом вместе со своими новыми друзьями. Однако теперь настала пора сделать свой выбор его командиру Даниилу Орлову, ведь на кону Большой Игры – жизнь Всеволода. А заодно исход Второй мировой...

Содержание

Глава 1	4
23 июля 1939 года, Берлин	4
20 апреля 2012 года, Уфа	9
9 июля 1941 года, Юго-Западный фронт	17
19 августа 1941 года, 23:05, Лондон	23
Глава 2	31
23 июля 1939 года, Берлин	31
20 апреля 2012 года, Уфа	35
9 июля 1941 года, Юго-Западный фронт	43
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Александр Золотько

Цель – Перл-Харбор

Иной мерзавец может быть для нас тем и полезен, что он мерзавец.

В.И. Ленин по воспоминаниям В. С. Войтинского. «Годы побед и поражений». Книга вторая. Берлин, 1924 г., с. 227. Со слов очевидца

Что касается меня, то я не мог поверить, чтобы какие-либо потери в Малайе могли составить хотя бы одну пятую того ущерба, который нанесла бы нам утрата Египта, Суэцкого канала и Среднего Востока. Я не мог допустить и мысли об отказе от борьбы за Египет и был готов заплатить за это любой ценой в Малайе. Этот взгляд разделяли и мои коллеги.

Уинстон Черчилль

Глава 1

23 июля 1939 года, Берлин

– Всеволод Залесский, – сказал Игрок.

На веранде ресторана было шумно, и Орлов не разобрал, что именно сказал Игрок.

– Что? – переспросил Орлов.

– Я говорю, – чуть повысив голос, повторил Игрок, – Всеволод Залесский. Всеволод Александрович, если хотите...

Игрок поднес к губам бокал, сделал глоток, с видимым удовольствием опустил веки.

– Обожаю немецкое вино. – Игрок открыл глаза и вздохнул. – Понимаю, что это звучит как извращение, но предпочитаю его французским, итальянским и прочим винам – нынешним, прошлым и будущим. А вы?

– Я равнодушен к алкоголю, – сказал Орлов. – Не получаю удовольствия ни от процесса потребления, ни от результата. Вот, как от нашего с вами разговора...

Орлов налил себе в стакан сок из запотевшего кувшина.

– А мне казалось, что разговор коснулся, наконец, интересной для вас темы, – тонко улыбнулся Игрок. – Вы так заботитесь об этом туповатом мальчишке...

– Но ведь это вы предложили использовать его, – напомнил Орлов.

Ему не нравился разговор, да и собеседник, если честно, не нравился. Но больше всего не нравилось то, что от Орлова в этом случае вообще ничего не зависело. Игрок решил, что им нужно пообщаться именно в этом месте, именно в этом времени. И это значило, что так оно и будет.

Игрок умел настоять на своем.

– Да, – кивнул Игрок, – предложил я. И вы не станете отрицать, что выбор оказался более чем удачный – мальчик без всякой информации, incapable рассказать даже при допросе чего-либо существенного... И приносящий пользу только своим существованием. Карта полезная, но не обременительная. Это уж вы, Даниил Ефимович, все усложнили... Мы ведь как договаривались с вами изначально? Мальчик попадает в прошлое сразу пред ясные очи комиссара Корелина. Из холодного января две тысячи одиннадцатого в жаркое лето сорок первого. Так?

Орлов не считал нужным отвечать.

– Так, Даниил Ефимович, так. Я вам указал на «воронку», которая вела из Харькова две тысячи одиннадцатого к Москве сорок первого. Паренек, почти близнец пропавшего сына комиссара Корелина, в необычной одежде, со странными знаниями в голове, наверняка привлёк бы внимание Комиссара и уважаемого Евграфа Павловича. Все просто, рационально и надёжно. Но вы, Даниил Ефимович, не ищете легких путей... – Игрок снова отпил вина и снова сделал паузу, наслаждаясь вкусом напитка. – Да, не ищете... Зачем вы устроили это потрясающее испытание – голый юноша посреди степи, реальная угроза его жизни, путешествие по немецким тылам, перестрелки и все такое?.. Стали играть перед ним роль командира Красной Армии... Зачем?

Орлов еле заметно пожал плечами.

– Я настаиваю на вашем активном участии в разговоре, – сказал раздраженно Игрок. – Это невежливо, в конце концов. Я хочу услышать от вас, наконец, внятный ответ – почему вы не убрали эту карту со стола? Не сбросили ее в отбой? Чего проще, даже в вашем варианте, встретиться с Комиссаром и стариком, предъявить им свои возможности и намерения, а потом... Вы же выходили вместе с Залесским из дому, сами попросили его вас проводить. Я думал, что там, в подъезде, вы его и оставите... Или где-то по дороге. Вы ведь ловко работаете ножом, я знаю. Да и голыми руками вы бы прекрасно справились... Но вы его отпустили, позволили остаться в живых, даже собирались его тащить на Базу после залпа реактивных минометов... Зачем?

Орлов остановил проходившего мимо официанта и попросил принести мясо.

– Вы проголодались, – участливо улыбнулся Игрок. – Вам нужно подкрепиться... И кстати, у вас неплохой немецкий, почти как настоящий... Вы ведь бывали в Германии в той своей жизни, до нашей встречи.

– Неоднократно. Последний раз – в восемнадцатом. Как раз местные красные перестреливались на улицах с местными белыми.

– Да-да, я тоже в это время здесь бывал... Я вообще люблю Берлин, особенно почему-то лето тридцать девятого... К сожалению, не могу бывать здесь слишком часто, вы меня понимаете? Приходится все время менять место прогулок и маршруты передвижения, чтобы не встретиться с самим собой или не оказаться вдруг за соседними столиками... – Игрок вздохнул. – Это как иметь последнюю бутылку любимого вина, понимать, что рано или поздно оно закончится, позволять себе сделать очередной глоток и с ужасом смотреть, как уровень в бутылке все понижается и понижается... Когда я гуляю по улицам предвоенного Берлина, то испытываю странное чувство... Вот люди вокруг меня – большинство из них очень скоро погибнет. Вот дома – многие из них будут разрушены, некоторые потом восстановят, но на месте многих просто разобьют «бомбен-парки», посадят на освободившейся территории деревья и цветы и будут делать вид, что так все и было изначально... Даже дух захватывает. Острее этого чувства для меня только то, что я испытал в Помпеях, за пару дней до катастрофы. Люди вокруг тебя еще живы, но... Когда-то давно... давно во всех отношениях, я любил заговорить с человеком за несколько минут до его неизбежной гибели. Художник рассказывал мне о своих планах, у него только что купили картину, заказали новую... Художник был счастлив, говорил о том, что напишет через год, через два, куда съездит за новыми впечатлениями... А жить ему оставалось пять минут, до поворота за угол. Его там встретили уличные грабители и зарезали за пустой кошелек... А как была восхищена и счастлива молодая пара, когда я подарил им билеты на «Титаник»!

Лицо Игрока вдруг превратилось в неподвижную маску, а глаза блеснули льдом.

– Значит, вы решили не отвечать на мои вопросы, господин Орлов... То есть вы считаете, что можете себе это позволить.

– Вы – сдаете карты, – тихо, но твердо произнес Орлов. – Вы об этом неоднократно говорили, это правило номер один нашего сотрудничества. Так?

– Так. И что?

– Вы карты сдаете, а я ими играю, уважаемый...

Что-то дрогнуло в лице Игрока, когда он услышал это «уважаемый», распознал оскорбительную, лениво-барскую интонацию.

– И я, не нарушая правил, могу сохранить жизнь Всеволоду Александровичу Залескому. Могу оставить его в сорок первом, могу отправить его домой...

– Как он пожелает?

– Как он пожелает, – кивнул Орлов. – Вы установили такие правила и обещали мне, в обмен на мое честное слово, правила не нарушать. Не так?

Игрок задумчиво поболтал вино в бокале. Слишком резко – несколько капель вылетели на белоснежную скатерть.

– Вы правы, – сказал наконец Игрок. – Тут – вы правы. Игра есть игра, и правила есть правила. Их нельзя менять на ходу, даже если они нас не устраивают. Можете и дальше играть со своими игрушками. Но вы сами сказали – я сдаю карты. Добавлю – я указываю цель игры. А вы делаете то, что я говорю. Как с тем древним городом. Привезти в прошлое «катюши», нанести удар снарядами с отравляющим газом, увезти «катюши»...

Игрок искоса посмотрел на Орлова, словно ожидая от того вопроса. Но Орлов молчал.

– Вы забавный человек, Даниил Ефимович. – Игрок допил вино. – Вы себе кажется взрослым и самостоятельным, но на самом деле... Вам же до смерти хочется спросить, что это был за город. Зачем мы с вами его уничтожили, что обрекло несколько тысяч человек на мучительную смерть? Ведь хотите, но думаете, что взрослым мальчикам не к лицу такое любопытство. А хотите, я вам и так скажу? По дружбе.

– По дружбе? – со странной интонацией спросил Орлов.

– А мы разве не друзья? – очень удивился Игрок. – Разве вы не испытали ко мне дружеских чувств, когда я предложил вам жизнь? Тогда, в двадцатом? Неужели забыли?

... Чахлая роца из акаций, пронизываемая насквозь ветром и пулями. «Маузер», который с каждым выстрелом становится все легче и легче, пытается взлететь кверху, прижаться дулом к виску Орлова, предложить выход – жестокий, но честный.

Женька Корелин загнал-таки своего старого приятеля и брата своей жены в ловушку. Загнал и не выпустит – слишком много всего накопилось, даже если не считать двух приговоров революционного трибунала и трех личных приказов Правителя Юга России уничтожить предателя, нарушившего присягу. Поручика Орлова ни белые, ни красные не собирались брать живым. Женьку было даже немного жаль – Орлов умрет в этой роцице, неподалеку от Феодосии, а ему придется с этим жить дальше и как-то рассказать об этом своей жене... Убил я твоего брата, скажет Женька, своей рукой убил, а жена ему...

Да какое дело Орлову до того, что будут о нем говорить после смерти? Орлов понимает, что «маузер» прав. Что не стоит так поступать с Женькой Корелиным, нужно снять с него грех убийства друга, пусть бывшего, и взять этот грех на себя...

«Маузер» наконец припал дулом к виску Орлова.

Указательный палец лег на спусковой крючок. Мелькнула мысль проверить – а точно ли в пистолете последний патрон, может, просчитался в горячке и можно немного повременить со смертью, еще раз выстрелить в кого-то из красных... Чушь, сказал себе Орлов, не мог он просчитаться. Все точно – последняя пуля в стволе. Билет на свободу.

Вот сейчас, подумал Орлов. Можно, конечно, подождать, когда красные наконец сообразят, что загнанный враг революции и белобандит не будет стрелять, дожждаться, когда Женька войдет в роцу, и застрелиться у него на глазах, весело подмигнув. Или нельзя?

Женька быстро стреляет, влепит пулю в локоть – и все. И допросы. С Женьки станется в последний момент не убить брата своей жены.

Орлов вздохнул. Сейчас. Вот никогда не думал, что будет так тяжело. Всегда полагал, что сделает ПОСЛЕДНИЙ выстрел не задумываясь, легко.

– Закурить не найдется? – прозвучало вдруг сзади.

Если бы Игрок тогда сказал что-то другое... Окликнул бы, позвал по имени, крикнул, чтобы не стрелялся поручик, то Орлов нажал бы на спуск, но вот это «закурить» застало его врасплох.

– Что? – только и смог он спросить, оглянувшись через плечо.

– Закурить нет? – Мужчина лет тридцати стоял, прислонившись плечом к дереву, и держал в руке раскрытый портсигар. – Все выкурил, вот, полюбуйте.

– Какого?.. – пробормотал Орлов.

– Значит, нету... – печально протянул мужчина.

У него было странное лицо. На первый взгляд – молоджавое, гладкое, без морщин, будто детское. Но потом начинало казаться, что кожа на лице – ненастоящая, что и не кожа это вовсе, а гладкое лакированное папье-маше. Как у куклы. Или у маски.

– Нету... А вы жить хотите, господин Орлов? – спросил мужчина.

Палец Орлова снова лег на спуск.

– Нет-нет-нет! – Мужчина вытянул вперед руку. – Не в плен, ни в коем случае! Жить и быть свободным – хотите?

«Маузер» немного разочарованно лег на землю у бедра поручика. Этого не может быть, подумал Орлов.

– Я вас выведу, – сказал мужчина.

Пуля, выпущенная кем-то из красных, ударила в дерево над самой головой чужака, вырвала несколько щепок.

– Тут становится неуютно, – сказал мужчина.

– Кто вы? – спросил Орлов.

– Да какая вам разница? Я тот, кто может спасти вам жизнь и предложить очень интересную работу. Причем, что вас должно особенно заинтересовать, не на красных, не на белых и даже не на бандитов. Много путешествий, приключений, защита человечества, можно сказать, а иногда даже и его спасение... Хотите?

– Кто вы? – повторил Орлов.

– Я ничего не стану от вас сейчас требовать. – Пуля просвистела между Орловым и чужаком. – Вы сами сделаете свой выбор в более спокойном месте. Сейчас от вас нужно только решение – жить или умереть. Ваш выбор?

– Как вас зовут? – Орлов встал с холодной земли, держа пистолет в опущенной руке.

– Зовите меня Игроком, – сказал Игрок. – Этого достаточно?

– Достаточно, – сказал Орлов.

– Да бог с ним, с городом... – сказал наконец Игрок, так и не дождавшись ответа Орлова. – Сколько их еще будет... Собственно, я и не собирался требовать от вас смерти Залесского, я хотел напомнить вам, что именно я решаю, кого привлечь к выполнению той или иной задачи. Я сдаю карты. И как бы вам ни нравился мой выбор – будет именно так, как сказал я. Правила – они неизменны. Тут мы с вами совершенно солидарны. А вот, кстати, и ваше мясо...

Подошел официант и поставил тарелку перед Орловым.

– Вы кушайте. – Игрок откинулся на спинку стула. – У нас еще есть много времени. Вы, конечно, потратили его во множестве и, с моей точки зрения, впустую, но ничего ката-

строфического не произошло. И, надеюсь, не произойдет. Я уверен, что задача будет решена. Мы с вами выиграем этот раунд. Приятного аппетита!

20 апреля 2012 года, Уфа

– Простите, пожалуйста, вы – Торопов? – Вопрос прозвучал неожиданно, Торопов только-только вышел из подъезда и замер на мгновение, ослепленный утренним солнцем. – Андрей Владимирович?

Торопов посмотрел на спросившего – лицо незнакомое. Невысокий, крепкий. Кожа на скулах обветрена, словно человек часто бывает на свежем воздухе и при не слишком хорошей погоде. Серый длинный плащ, не модный, не современного покроя, но производит впечатление добротности и респектабельности.

– Что, простите? – переспросил Торопов.

Не часто его вот так останавливают на выходе из дома незнакомцы. Да еще и с легким иностранным акцентом. Точно, акцент был, прозвучал, а Торопов сумел уловить его даже в короткой фразе. Мысленно Торопов похвалил себя за внимание к мелочам. И даже на секунду стало жаль, что нельзя никому продемонстрировать свою наблюдательность. Не возвращаться же к компьютеру, чтобы поделиться с коллегами...

– Вы – Торопов Андрей Владимирович? – повторил с вежливой улыбкой незнакомец. – Писатель Торопов?

Торопов кашлянул, демонстрируя некоторое смущение. Не засмутился, как институтка, застигнутая за сочинением виршей, а лишь продемонстрировал свою скромность и склонность к объективности. Он, конечно, писал. И то, что он писал, публиковалось неоднократно, но писал-то он под псевдонимом, да еще коллективным – Василий Ветров, и хоть и сознавал свою значимость для успеха книг, оценивал ее как бы не выше значимости остальных соавторов, но вот так вот вслух, да еще посторонний человек...

А акцент у него, скорее всего, немецкий. Звук «р» имел очень своеобразный оттенок. Точно – немец.

– Да, я – Торопов, – сказал Андрей Владимирович, чуть кивнув, четко, почти как прусский офицер в кино. – А с кем я имею честь?

Незнакомец тоже кивнул, с улыбкой на обветренном лице. Кивнул, словно одобрял ответ собеседника. Будто наконец нашел то, что долго искал.

– Нойманн, Франц Нойманн, – отчеканил незнакомец, и что-то неуловимо изменилось в его лице, словно кожа натянулась чуть сильнее и очертания черепа проступили явственнее. – Штурмбаннфюрер Нойманн, к вашим услугам.

Что-то холодное шевельнулось в груди Торопова.

Естественно, он не воспринял прозвучавшее звание серьезно. Но в Сети он имел слишком много недоброжелателей из числа тех, кто до сих пор полагал, что Германия просто обязана была выиграть Вторую мировую и что в случае ее победы мир был бы куда лучше и чище. Подонки и мерзавцы, для которых само слово «патриотизм» стало чем-то вроде ругательства.

Торопов с коллегами по сайту неоднократно разоблачали этих последышей, не стесняясь ни в выражениях, ни в методах. В идеологической борьбе все средства хороши, особенно если Сеть обеспечивает безопасность и неприкосновенность.

Иногда Торопову приходила в голову мысль, а что произойдет, если кто-то из нациков или либерастов вдруг не поленится и явится для разборки лично. Получается, что теперь Торопов это узнает точно. Черт возьми!

Можно было, конечно, попытаться юркнуть обратно в подъезд, но для этого придется либо доставать ключи, либо набирать номер квартиры на домофоне... Но жена ушла рано утром на работу – никто не откроет, даже если и получится нажать на кнопки вовремя.

Не реагировать, приказал себе Торопов. Как с лающей уличной собакой – пройти мимо, избегая глядеть твари в глаза. Идти нужно не спеша, нельзя демонстрировать свой страх. Они чувят страх и от этого становятся еще агрессивнее...

А этот, Нойманн, – он тоже учуял, как внутри Торопова зашевелился ледяной паук? Услышал, как его холодные лапки с сухим шорохом царапают стенки желудка?

Полшага в сторону, и спуститься по ступенькам с крыльца. Четыре ступени. А Нойманна – нет. Пустое место. Кучка собачьего дерьма, его нужно просто обойти, не зацепив.

– Господин Торопов, – штурмбаннфюрер шагнул, перекрывая Торопову путь. – Нам нужно побеседовать...

– Мне некогда... – бросил Торопов и снова попытался обойти Нойманна. – Я спешу...

– И все-таки я вынужден настаивать. – Штурмбаннфюрер взял Торопова за локоть правой руки. – Это в ваших интересах...

Двор был пуст. Вот так всегда – то не протолкнуться из-за старух или мамочек, гуляющих с детьми, то, как сейчас, двор словно вымер. Торопов дернул плечом и сбежал с крыльца.

Ну не кричать же, в самом деле? Не гопники ведь прицепились с требованием покурить или с просьбой одолжить мобильный телефон на время. Вполне приличный человек, стильно одетый, в сером плаще, широкополой серой шляпе. На вид – до сорока, ровесник. Ничто не демонстрирует его агрессивных намерений, нет никакой видимой угрозы... Кричать, бежать прочь, на оживленную улицу? Это значило выглядеть смешно и нелепо, а Андрей Владимирович Торопов не любил выглядеть нелепо и смешно.

Нужно просто пройти пятьдесят метров до выхода со двора, свернуть направо и выйти на улицу Рихарда Зорге. Не станет же этот немец бежать за ним с криками. Не станет?

Не бежать, приказал себе Торопов. Просто широкий деловой шаг занятого и уверенного в себе человека.

– Герр Торопов! – Нойманн позволил себе повысвить голос, это был еще не окрик, но что-то похожее на угрозу уже прозвучало.

Отчего-то в голову пришло сравнение – словно пистолет сняли с предохранителя. Не передернули затвор, не выстрелили – всего лишь передвинули рычажок предохранителя, но от этого угроза не стала менее реальной.

Быстрее, нужно идти чуть быстрее. То, что Торопов втянул голову в плечи, – ерунда. Так – рефлекс. Из-за полемики в Сети перестрелки не устраивают. Хотел бы бить – пришел бы не в одиночку. Плащ почти до земли и шляпа – не лучшая одежда для потасовки, а утро – десять часов без малого – не самое лучшее время для рукопашного выяснения отношений. И акцент... Немец, устраивающий драку в центре Уфы с местным жителем... Немец, представившийся эсэсовским званием, – это уже за гранью.

Шутка. Дурацкая шутка.

Сейчас кто-то наверняка снимает все происходящее во дворе, а потом сольет снятое в Сеть. Сольет? И на здоровье. Торопов ничего такого не сделал. Он просто идет через двор. Плечи развернуты, подбородок поднят. Просто не хочет связываться с уродом-фашистом. Не желает.

И пусть этот самый Нойманн идет следом и бормочет что-то – в результате смешным выглядит он, а не Торопов. Вечером нужно обязательно обо всем этом рассказать на сайте. И ничего не будет страшного, если что-то прибавить.

Например, Нойманн не просто просил о беседе, а угрожал. Сказал, что неонацисты больше не собираются терпеть независимой и жесткой позиции известного в Сети полемиста. Пусть он этого напрямую не произнес, но ведь это подразумевается. Ведь подразумевается?

Просто намекнуть так многозначительно, что эсэсовский последыш потребовал...

Во двор въехала машина. Микроавтобус.

Это даже к лучшему, мелькнуло в голове Торопова. Остановить его. Взмахнуть рукой и встать на пути. «Фольксваген» еле едет, водитель ищет, наверное, какой-то адрес. Взмахнуть рукой, а когда машина остановится – подойти и спросить что-то у водителя. Вполголоса. Что-нибудь нейтральное. Который час, например. Или не видел ли он красного «Опеля» и серой «Тойоты» на въезде? Спросить тихо, но при этом бросить быстрый взгляд на Нойманна, чтобы тот подумал, будто разговор идет о нем. И штурмбаннфюрер непременно запаникует. Никуда не денется. А если удастся втянуть водителя хотя бы в пятиминутный разговор, то Нойманн просто сбежит, поджав хвост. Точно – сбежит.

Торопов поднял левую руку и сошел с тротуара на проезжую часть. Не дергаться, нужно помнить о возможной видеокамере. Движение руки должно быть естественным.

Микроавтобус начал тормозить.

Торопов сделал шаг, но на его плечо тяжело легла рука.

– Я же сказал – стоять! – прорычал Нойманн. – И ты должен остановиться...

– Да кто ты такой!.. – воскликнул Торопов, поворачиваясь и отталкивая руку немца. –

Не смей ко мне прикасаться...

И замолчал.

Двор, дом, деревья разом замерли, словно все вокруг внезапно сковал мороз. Воздух в груди у Торопова превратился в комок льда. В колючий и шершавый комок. Все вокруг медленно поплыло вверх и влево, словно двигалось по спирали.

Упасть Торопову не позволили – Нойманн подхватил его под руки и удержал. Потом из микроавтобуса вышел человек, и они вдвоем с штурмбаннфюрером небрежно втолкнули Торопова в машину. Бросили на пол у заднего ряда кресел.

Торопов попытался закричать, сообразив наконец, что это не розыгрыш, не шутка, что его – его! – ударили и похищают. Что все это было спланировано не для того, чтобы потом хвастаться через Ютуб, как ловко унизили своего сетевого оппонента. Если этот ролик попадет в Сеть – это уголовная статья для шутников. Похищение и все такое... Это несколько лет отсидки.

Теперь уже можно не бояться выглядеть смешным и нелепым. Теперь можно кричать и попытаться защищаться.

Вместо крика получилось только захрипеть – Нойманн ударил со знанием дела. Всего одно движение руки, а тело Торопова отказывается двигаться, и легкие дергаются, не в силах втянуть в себя хотя бы поток воздуха...

Нойманн и второй похититель сели на заднее сиденье. Дверцы хлопнули, машина тронулась с места.

Торопов дернулся, пытаясь подняться, но немец небрежно надавил ему на грудь ногой и тихо сказал: «Сидеть!»

И перед глазами Андрея Владимировича вдруг оказался нож. Держал его второй похититель, держал с небрежностью профессионала, на пальцах, а не сжимая в кулаке. Лезвие легонько коснулось горла Торопова. Лишь коснулось, и не острием, а плоской стороной. Холодной плоской стороной.

– Мы не любим, когда кто-то шумит в машине, – сказал Нойманн. – Мы хотели бы поговорить с вами, герр Торопов, но если вы попытаетесь кричать, то штурмфюрер Краузе медлить не будет. Единственное, чего вы добьетесь, так это быстрой и почти безболезненной смерти. Наш организм так устроен, что если перерезать артерию, то мозг, лишившись кислорода, просто уснет. Всего секунд тридцать. Максимум – минута. Будет много крови, но...

– У меня есть тряпка, прикрою горло, – сказал Краузе, снова качнув ножом перед лицом Торопова. – А потом Пауль притормозит, мы выбросим тело и уедем.

– Вы хотите жить, герр Торопов? – спросил Нойманн. – Вы ведь не собирались умирать этим утром? Начинается весна, даже в ваших диких местах поют птицы и набухают почки... Жизнь прекрасна. Нет?

– Кто... вы... такие?... – прохрипел Торопов.

– А какая вам разница, господин чекист? – засмеялся водитель.

Его Торопов так и не рассмотрел. Водителя зовут, кажется, Пауль. Так сказал этот тип с ножом.

– Не чекист, – поправил Нойманн. – Энкавэдист.

– По мне – все равно. Мясо – и больше ничего.

– Я...

– Ты лучше помолчи, – Краузе похлопал Торопова ножом по щеке. – Мы дадим тебе слово – и тогда боже тебя упаси молчать. Сейчас – лежи и наслаждайся жизнью. Человек не знает, сколько ему отмерено. В любой момент нить может оборваться... или ее кто-то обрежет...

Не сознавая до конца, что делает, Торопов попытался оттолкнуть лезвие ножа от своего лица.

– Дурак, – сказал с усмешкой Краузе. – Не дергай щупальцами, комиссар...

– Вырывается? – осведомился Пауль. – Лови.

На грудь Торопову упали, звякнув, наручники.

– Прошу ваши ручки. – Краузе убрал нож и ловко защелкнул браслеты на руках Торопова. – Будешь еще дергаться – заткну рот и подрежу сухожилия на ногах. Для начала.

– Но даже тогда жизнь все равно будет прекрасна и заманчива, – распевно произнес Нойманн. – Как написал когда-то ваш сумасшедший гений Достоевский, даже если бы мне выпало до конца жизни стоять над пропастью на узком карнизе, вокруг бы грохотал гром и сверкали молнии, и меня стегал ледяной дождь, и тогда бы я выбрал жизнь... Я не ручаюсь за точность цитаты, но общий смысл...

Машину тряхнуло.

– Что такое, Пауль? – спросил Нойманн.

– То, что они называют дорогами, – со смехом ответил водитель. – Я заслушался вашим выступлением, герр штурмбаннфюрер, и зацепил колесом яму.

– Осторожнее, Пауль. – Краузе тоже засмеялся. – Если машина сломается, то придется нашего гостя бросить в ней. А я еще не наигрался.

– Хорошо, я буду осторожен, – сказал водитель. – Да тут недалеко. Черт...

– Вас ист лос? – быстро спросил Нойманн.

– Да ист айн шуцман, – ответил Пауль напряженным голосом.

– Фар ниht лангзамер унд ниht шнеллер...

Торопов не знал немецкого. И в школе, и в университете учил английский, но вот эти вот «васистлос» и «шуцман» понял. На дороге стоит полицейский. Регулировщик или даже патруль. Может, просто выискивает, с кого сшибить денег, а может, в рамках очередной контртеррористической операции или какого-нибудь плана «Перехват» досматривает все машины.

Вот сейчас он остановит микроавтобус, и тогда... А что тогда, подумал Торопов. Что тогда? Этот сумасшедший Краузе перережет-таки Торопову горло? Или...

Торопов не отрываясь смотрел на нож, плавающий в воздухе перед самым его лицом. На лезвии была какая-то надпись. Готические буквы плотно лежали на стали, Торопов видел их, но прочитать не мог. В голове крутилось что-то о чести и верности. Что-то такое писали на клинках ээсовских ножей, но вспомнить, что именно, Торопов сейчас не мог. В голове упругим каучуковым мячиком прыгала фраза Нойманна о том, что человек с перерезанным горлом просто засыпает. Прыгала и разбивала вдребезги все остальные мысли.

Человек с перерезанным горлом просто засыпает. Засыпает. Просто. С перерезанным...

Это не больно.

Но как хочется жить!

Так сильно, что Торопов готов был даже рискнуть, дожидаться, когда инспектор остановит микроавтобус, и закричать. Не что-то конкретное о похищении и немцах – просто заорать, надсаживаясь, пусть даже сорваться на визг, но заставить тупого патрульного что-то сделать, отреагировать.

И эти похитители не посмеют убить Торопова. Не посмеют же?

Одно дело – похитить человека. Другое – убить его. Торопов не сделал ничего такого, за что его можно убить. Да, оскорблял в Сети легко и с фантазией. Передергивал в дискуссиях, обвинял оппонентов в несуществующих грехах, со вкусом навешивал незаслуженные ярлыки и нелепые прозвища, но ведь за это не убивают. Не убивают же?

Чувствуя, как по щекам стекает пот, Торопов набрал в грудь воздуха. Пусть даже и не остановит инспектор машину, пусть микроавтобус только поравняется с ним – Торопов закричит. Так закричит, что стекла покроются трещинками и осыплются. Так закричит, что...

Краузе не смотрел на пленника. Нож держал в опущенной руке, острие касалось груди Торопова, но сам штурмфюрер смотрел вперед, туда, где был инспектор дорожного движения. Рука сжалась, пальцы на костяшках побелели – волнуется Краузе. Струсил. А если еще и крикнуть...

Нойманн сунул руку в карман плаща и достал пистолет.

Горло Торопова свело судорогой. Это был «парабеллум». «Люгер», мать его... Нойманн передернул затвор, рычаг выгнулся с легким щелчком, но Торопову показалось, что в салоне прогремел выстрел. Пистолет. Немец собрался стрелять.

В патрульного, ясное дело. И получается, что крикнет Торопов или нет – это ничего не изменит. Эти сволочи настроены серьезно. Это не шутка. Не попытка запугать или даже избить. Им настолько нужно похитить Торопова, что они готовы убивать.

Торопов застонал.

– Спокойно, – сквозь зубы процедил Краузе, и лезвие кольнуло грудь Торопова сквозь одежду. – Сейчас все закончится. Так или иначе...

А Краузе говорит без акцента.

Мысль глупая, неуместная, несвоевременная, но Торопов несколько секунд думал о том, почему это штурмфюрер говорит по-русски чище, чем его начальник. Или оба они русские, только Нойманн немцем прикидывается лучше. Или от волнения Краузе перестал притворяться? Сильно волнуется и оттого забывает изображать акцент. Забывает говорить «т» вместо «д» и «ф» вместо «в»...

Палец Нойманна лег на спусковой крючок.

«Парабеллум» – это «готовься к войне». И Нойманн к ней готов.

Сейчас патрульный подаст водителю знак, тот чуть притормозит, опустит боковое стекло, словно желая переговорить с инспектором. А когда полицейский подойдет к машине, Нойманн поднимет руку с пистолетом и нажмет на спуск.

Девятимиллиметровая пуля отшвырнет беднягу полицейского прочь от машины, а гильза ударит в потолок салона... У «парабеллума» гильзы выбрасываются вверх? Так ведь, кажется? Не вправо, а вверх?

Далась ему эта гильза!

Не о том он думает. Сейчас вообще не думать нужно, не вспоминать ТТХ пистолета, а молиться... молиться-молиться-молиться... несмотря на то, что никогда этого не делал, не знает, как молиться правильно, и даже не задумываясь над тем, кому адресовать молитву.

Пусть он не остановит машину, мысленно попросил Торопов. Пусть микроавтобус едет себе дальше. Нет в нем ничего такого. Нет, честное слово, нет. Просто сидят люди. Водитель и два пассажира. И никто не лежит со скованными руками на полу между сиденьями. Никто не лежит. Правда-правда! Машина правил не нарушает. Не превышает скорость и соблюдает... все соблюдает, честное слово!

Торопов зажмурился, продолжая мысленно уговаривать неизвестного ему полицейского пропустить микроавтобус, спасти жизнь себе и лежащему между сидений человеку. Уже не Богу молился, а тому самому инспектору дорожного движения, одному из тех, кого еще недавно называл ментом или мусором.

Пожалуйста, пропусти. Не останавливай. Пожалуйста!

Машина притормозила, еле заметно, но Торопов чуть не закричал от ужаса, подумав, что это Пауль останавливает ее, подчиняясь требованию полицейского. Нет-нет-нет-нет, не нужно, дернувшись всем телом, забормотал Торопов. Пожалуйста!

Машина прибавила скорости.

Водитель что-то сказал, Торопов не расслышал, что именно, уловил только интонацию – облегчение. Значит, проскочили.

Торопов открыл глаза.

– Все в порядке, – сказал Нойманн. – Прогулка продолжается.

Штурмбаннфюрер поставил пистолет на предохранитель и спрятал в карман плаща.

– Через несколько минут мы приедем на место.

– На... – Торопов не смог произнести свой вопрос сразу, горло отказывалось подчиняться, пересохло, пришлось выталкивать слова по очереди, с паузами: – На. Какое. Место?

– Тебе понравится, – засмеялся Краузе.

Нож лихо крутанулся в его руке, солнце отразилось на острие огненной точкой.

– Что... вы... собрались делать?

– Мы? – с усмешкой переспросил Краузе. – Закончим работу и будем отдыхать. Я планирую выпить пивка и побездельничать на диване.

– Что вы со мной собрались делать? – облизав пересохшие губы, спросил Торопов.

– Господин штурмбаннфюрер, – Краузе повернулся к Нойманну. – Мясо интересуется, для чего мы его прихватили с собой и как будем готовить.

– Такое любознательное мясо... – покачал головой Нойманн.

Неодобрительно покачал. Но в уголках рта у него была улыбка. Даже не улыбка, а намек на улыбку.

В груди Торопова что-то шевельнулось. Надежда? Немец улыбается, значит, не все так плохо? И тут же словно ледяной водой обдало Торопова. Улыбается? А может, он в предвкушении пыток улыбается. Он любит мучить людей. Он ведь фашист. Сколько раз сам Торопов говорил, что фашисты – не люди. Что каждый из них – палач и убийца. Говорил и верил. Искренне верил.

Вот сейчас он, сволочь, смотрит на Торопова как на игрушку. И уже представляет, как будет... как будет издеваться...

– За что? – чуть не выкрикнул Торопов.

За что с ним так? Он ведь... с ним не может ничего такого случиться... не имеет права.

Машина притормозила и свернула в сторону, подпрыгнув на выбоине. Под колесами что-то начало шуршать, мелкие камешки застучали по днищу.

Они съехали с дороги, понял Торопов, и едут в лучшем случае по проселку. Или даже по тропе. Лесной тропе, вон как мелькают тени, как солнечный свет раздробился на куски.

Они едут по лесу.

И это значит... Что это значит?

– Да не волнуйтесь вы так, герр Торопов, – усмехнулся Нойманн. – Сейчас вы все узнаете. Даю вам слово офицера. Вы ведь верите в слово офицера? Хотя... Вам, сотрудникам НКВД, вряд ли знакомо понятие чести. Комиссар может сделать все что угодно ради победы... как это? Коммунизма во всем мире.

– Я не комиссар! – крикнул Торопов. – Я не комиссар! Сейчас нет комиссаров. И НКВД нет! Нет! Мы живем в демократическом государстве! И с Германией у нас хорошие отношения! Вы понимаете? Мы уже двадцать лет... двадцать один год, как не коммунистическая страна. И я...

– Не нужно так нервничать, товарищ Торопов, – засмеялся Краузе и поставил ногу Торопову на грудь. – Если вы уже двадцать лет не коммунисты, то почему с такой нежностью вспоминаете СССР и даже надеваете советскую форму? Вы вот, насколько мы знаем, предпочитаете форму НКВД...

– Я никогда не носил форму НКВД! – задыхаясь, прохрипел Торопов. – Я...

– Он врет, господин штурмбаннфюрер, – с обидой в голосе произнес Краузе. – Он нам врет... Как же так, господин штурмбаннфюрер? Как можно нам врать?

Краузе дурачился, говорил тоном обиженного ребенка, но нога давила Торопову на диафрагму, а нож, кажется, проколол кожу на груди до крови.

– Он еще не понял, что нам врать нельзя, – сказал Нойманн и наклонился, чтобы заглянуть в глаза Торопову. – Нам врать – вредно для здоровья.

– Извините, господин штурмбаннфюрер, – вмешался водитель, – но при чем здесь здоровье? Тем более его. Разговор может идти о боли, о ее количестве, а вовсе не о здоровье. Еще раз извините, за то, что перебил.

– Да, товарищ комиссар... – Нойманн покачал головой. – Общение с вами очень вредно отражается на дисциплине. Младший по званию перебивает меня... Но с другой стороны, он ведь прав. Я был неточен. Действительно, при чем здесь здоровье? Каждое лживое слово обеспечивает вам несколько часов боли. Несколько дополнительных часов.

Нойманн достал из кармана спичечный коробок, взял из руки Краузе нож и несколькими уверенными движениями заточил спичку.

– Вот, казалось бы, – сказал Нойманн, вернув нож подчиненному и взяв спичку двумя пальцами. – Что может быть проще – заточенная палочка. Не кол, заметьте, не клеммы от полевого телефона, приложенные к яичкам товарища комиссара, а всего лишь палочка. Щепка. Но какие перспективы она сулит в руках знающего человека.

Нойманн взял Торопова за руку, тот попытался вырваться, но Краузе переставил свою ногу с груди Торопова на его горло и легонько надавил.

– Вы еще не поняли, что от вас здесь уже ничего не зависит? – осведомился Нойманн, выпрямляя указательный палец на руке Торопова. – Совсем-совсем ничего не зависит... Да не дергайтесь вы так, можно подумать, что в вашем ведомстве такие простенькие фокусы не в ходу. Я думаю, что такая вот милая штучка – первое изобретение человека в области получения правдивой информации. Какой-нибудь питекантроп, загнав себе случайно занозу под ноготь, на всю оставшуюся жизнь запомнил ощущение, и когда ему понадобилось узнать у представителя враждебного племени, где те прячут своих женщин, воспользовался этим рычагом.

Заточенный край спички коснулся ногтя на пальце Торопова. Нашупал плоть. Уперся в границу между ногтем и кожей.

Торопов не видел этого, ему мешала нога Краузе, но чувствовал каждое движение руки Нойманна.

– Не нужно... – простонал Торопов еле слышно.

– Что?

– Не нужно! – громче повторил Торопов. – Пожалуйста, не нужно...

Краузе убрал ногу с его горла, дышать стало легче.

– Вашу фразу следует воспринимать как готовность к ведению беседы? Искренней и честной? – осведомился Нойманн. – Вы готовы отвечать на наши вопросы, ничего не скрывая?

– Да! – громко сказал Торопов. – Я... Я все скажу.

– А если соврешь, то... – неприятно усмехнулся Краузе.

– Я не совру. Я не буду врать! Я скажу... Поверьте мне, пожалуйста, поверьте!

Микроавтобус остановился.

– Сколько у нас еще времени? – спросил Нойманн.

– Полчаса, – ответил водитель.

И снова они говорили по-русски, словно им было важно держать пленника в курсе событий.

– Выходим, – Нойманн открыл дверцу и вышел из салона.

За ним следом выпрыгнул Краузе. Торопов подумал, что сейчас ему прикажут выбираться, но Краузе бесцеремонно вытащил его из машины за ноги.

Земля была твердой, больно ударила по спине и затылку.

Торопов вскрикнул скорее от неожиданности, чем от боли.

Высоко над ним качались сосны. В промежутках между их кронами было видно ярко-голубое небо и белые облака, тоже яркие. Как на открытке. Пели какие-то птицы.

– Поднять? – спросил Краузе.

– Поднять, – разрешил Нойманн. – Прислони его к дереву. Вот к тому.

Краузе и водитель подтащили Торопова к сосне, рывком поставили на ноги.

Торопов вытер скованными руками лицо.

– Действительно, – вроде как спохватился Нойманн. – Руки-то мы ему оставили спереди. А это неправильно. Мало ли какие иллюзии могут прийти в голову нашему дорогому комиссару.

Краузе расстегнул браслет на правой руке Торопова, завел ему руки за спину и снова защелкнул наручник.

– Вот так значительно лучше. – Нойманн подошел к Торопову, обмахиваясь своей шляпой, как веером. – Сегодня жарко, не находите? А ведь нам еще работать...

Пальцы Нойманна расстегнули пуговицы на плаще. Пола отошла в сторону, и Торопов вздрогнул, увидев под плащом черный мундир.

Эсэсовский, тут не спутаешь. В левой петлице – четыре серебристых кубика. В правой – пусто.

Почему у него пустая петлица, зачем-то спросил у себя Торопов. Это ведь что-то значит. Нет у Нойманна ни рун, ни листьев, ни мертвой головы... Значит это что-то, ведь значит...

Когда-то об этом переписывались на одном из сайтов. Не СС? Точно, не СС. Гестапо. Кажется, это у гестапо ничего не было в правой петлице. Гестапо?

Торопов похолодел и прижался спиной к дереву.

Гестапо-гестапо-гестапо-гестапо... Сердце выстукивало это проклятое слово все быстрее и быстрее, ужас заливал мозг, ледяными струйками стекал по горлу к сердцу и там застыл комками, как растопленный жир на морозе.

Эти шутить не будут. Эти не шутят... Эти...

9 июля 1941 года, Юго-Западный фронт

К полуночи аэродром затих. Даже комэск эскадрильи «чаек», примостившихся на краю аэродрома бомбардировочного полка, перестал терзать свою гармонию. Старлей был уверен, что виртуозно владеет инструментом и что все окружающие просто жаждут насладиться «Барыней» в его исполнении.

Летал комэск лучше, чем играл. Гораздо лучше. И парни его эскадрильи летали хорошо. Отлично, можно сказать, летали. Им за это прощали «Барыню», и сегодняшнюю драку с зампотехом простили, не стали раскручивать и доводить дело до трибунала. Опоздавший к самому мордобою Товарищ Уполномоченный как ни бился, но ничего внятного на бумагу занести не смог. Даже зампотех синяк на своей скуле списал на удар о крыло «чайки» во время осмотра.

Неловко повернулся – и мордой о плоскость, сказал Петрович, глядя в глаза Товарища Уполномоченного. И ничего такого. Какая драка, товарищ лейтенант? Вы что, как можно? Чтобы лейтенант на военинженера руку поднял? Да вы что? Это вам кто-то соврал, точно говорю – соврал...

Зампотех обернулся к стоящим поодаль ребятам из истребительной эскадрильи, взмахнул рукой, словно приглашая особиста самому убедиться – такие парни никогда не посмеют нарушить субординацию. Никогда.

Товарищ Уполномоченный поправил фуражку, кашлянул, бросив быстрый взгляд в сторону техников, копошащихся у побитого при посадке «Пе-2», и что-то пробормотал.

Не то чтобы особиста в полку ненавидели.

Каждый где-то в глубине души признавал необходимость присутствия Товарища Уполномоченного на аэродроме, каждый мог при случае внятно объяснить, что выполняет лейтенант очень важную функцию, защищает личный состав и технику от происков тайного врага, стоит на пути предательства и измены... Но и особой любви тоже никто не проявлял.

Особист честно пытался вербовать техников, мотористов и даже пилотов на предмет сотрудничества, но большинство нашли силы и способ от этой почетной обязанности увернуться. Не все, правда, кто-то же про драку рассказал...

Хотя и драки как таковой не было.

Летеха из истребителей потребовал, чтобы его «чайку» обслужили в первую очередь. И чтобы через полчаса она уже могла взлететь. Летехе было нужно вернуться к линии фронта и посчитаться со сволочами. Очень нужно. И слушать про то, что его аппарат сможет взлететь в лучшем случае завтра, лейтенант не хотел. Он хотел вернуться и отомстить. Счет у него к немцам, понимаете? Счет. Он им...

Петрович решил истребителя успокоить. Тот сорвался на мат, зашелся в крике, а когда зампотех полка попытался привести летчика в чувство, то летчик вдруг ударил военинженера в лицо. От неожиданности Петрович упал, лейтенант попытался ударить лежащего ногой, но оказавшиеся рядом летчики полка хулигана скрутили, слегка помяли и передали на руки родному командиру эскадрильи.

В любое другое время никто лейтенанта прикрывать не стал бы, но в тот день... Девятка «чаек» встретила четыре «мессера». И за пятнадцать минут боя шесть «И-153» были сбиты, а немцы без потерь ушли на свою сторону.

Лейтенанту казалось, что он сможет... что он должен немедленно отомстить. Что у него получится.

Его напоили спиртом до полного бесчувствия и уложили спать на парашютах под крылом «чайки». Как стемнело – собрались в палатке у комэска, пригласили Петровича и ребят из бомбардировочного полка. Вначале пили молча, поминали не вернувшихся сегодня

на аэродром, потом, немного успокоившись, пели песни и слушали ту самую неизбежную «Барыню».

Капитан Костенко на застолье не пошел.

Побродил немного по степи вокруг аэродрома, сбивая палкой верхушки высохшей на солнце травы. Как будто трава была в чем-то виновата. Костенко видел, что его штурман, Олежка Зимянин, сидит на пустой бочке из-под горючки и внимательно следит за командиром. И то, что их стрелок-радист Лешка Майский подошел к штурману и что-то с ним обсуждал – капитан тоже видел. И понимал, что говорят о нем, что все его экипаж понял, и что ночью придется как-то все это решать... И нужно будет найти какие-то слова, чтобы убедить, чтобы не мешали и чтобы не лезли в помощники. Это его решение. Его выбор. Они здесь ни при чем.

Если бы у него было еще немного времени! Еще день хотя бы, чтобы можно было в следующем полете присмотреться, понять – не ошибка ли, не совпадение... Два белых и красный – срочно нужна помощь. Два белых и красный...

Костенко дождался, когда стемнеет окончательно, прошел к своей палатке и не раздеваясь лег на охапку сена, заменяющую ему кровать. Койки никто даже и не пытался соорудить, все понимали, что аэродром этот – временный. Что долго летать с него не получится и обживать, заводить хозяйство и обрастать предметами быта нет никакого смысла.

Максимум неделя, понимали все. Потом... И ошиблись.

Три дня. Завтра полк убывает на переформирование. Сегодня прибыли приемщики из соседнего полка, приняли оставшуюся технику – то, что уцелело за почти месяц непрерывных боев. Если бы приехали вчера – получили бы больше. Сегодня бомберы ходили к переправам. Из восьми «петляковых» вернулось три, из девяти СБ – четыре. Один из уцелевших «Пе-2» при посадке «дал козла» и перевернулся. Пилота вытащили со сломанными ногами, а штурман и стрелок... Они прилетели уже мертвыми.

Но мост они уничтожили.

А на обратном пути Костенко чуть уклонился в сторону, чтобы посмотреть. Только посмотреть. Накануне он тоже улучил момент, чтобы проскочить над Чистоводовкой, и дважды качнул над домами крыльями, просто по привычке. А сегодня, пролетая над деревней, вдруг увидел – два белых, один красный. Срочно нужна помощь.

И это значило, что выбора у капитана Костенко нет. Ни малейшего выбора.

Завтра утром он уезжает с остатками полка на переформирование. Куда именно – не говорили, но понятно, что далеко, что к Чистоводовке он не вернется. И что сигнал о помощи... сигнал останется без ответа.

Костенко лежал на постели и старался дышать ровно. Вернувшийся штурман постоял в темноте, прислушиваясь, потом лег на свое место.

Если хочешь качественно притвориться спящим, нужно следить за дыханием. Костенко в детстве прочитал об этом у Фенимора Купера, в «Прерии». Человек, который притворяется спящим, иногда задерживает дыхание, лежит бесшумно. Это его и выдает. Десятилетний Юра это прочитал и запомнил. А двадцатидевятилетний Юрий Костенко, капитан, командир эскадрильи и без пяти минут замкомполка, эту премудрость вспомнил и применил на практике.

Штурман заснул. Во всяком случае, через несколько минут и его дыхание стало ровным и мерным. Хотя, с легкой улыбкой подумал Костенко, Олежка тоже мог в детстве читать «Прерию».

Все станет понятно, когда капитан будет выходить из палатки.

Восход луны сегодня около часа ночи. Полнолуние. И небо чистое – все как на заказ. Будто все подстроено специально.

Костенко поднес к лицу запястье левой руки с часами. Хотя на циферблат можно было и не смотреть – луна взошла, осветив все вокруг, на стенках палатки проступили тени от стоек маскировочной сетки.

Ноль пятьдесят шесть.

Костенко вздохнул. Это как первый прыжок с парашютом. Пусть даже тогда парашют был прикреплен к балке и прыгать предстояло всего лишь с вышки в парке. Костенко помнил то ощущение. И помнил, что оно неоднократно возвращалось к нему. Первый настоящий парашютный прыжок из гофрированной утробы «ГБ-3»... Первая самостоятельная посадка на «У-2»... Первый боевой вылет...

И вот сейчас.

Сейчас.

Костенко нащупал шлемофон, лежащий рядом на плащ-палатке. Осторожно сел. Сено под плащ-палаткой спросонья недовольно зашуршало. Вставать с импровизированной постели было неудобно. Нужно было подобрать ноги, согнуть их в коленях, потом, качнувшись вперед, встать.

– Не нужно, Юра, – тихо прозвучало в темноте.

Штурман все-таки не спал.

– Что-то мне не спится, – сказал Костенко. – Душно. Выйду, прогуляюсь...

– Не нужно, Юра, – повторил штурман и встал.

Теперь он стоял перед командиром, близко, всего в нескольких сантиметрах. Рассеянный лунный свет освещал его лицо.

– Ты о чем, Олег? – спросил Костенко, лихорадочно пытаясь придумать, как поступать дальше.

В глубине души капитан уже знал, что нужно делать, понимал, что другого выхода у него нет, но тянул время... Ведь ясно, что Олег все понял, что не одобряет штурман решение своего командира и сделает все, чтобы удержать его, не позволить совершить необратимый поступок. Наверное, будь все наоборот, Костенко и попытался бы остановить приятеля в такой вот ситуации. Ведь понятно, что ничем хорошим это закончиться не может.

– Ты же знаешь, что после этого будет, – сказал штурман. – Что с тобой после этого сделают.

Ты о чем, хотел делано удивиться Костенко, но сдержался. Чего уж тут притворяться? Они с Олежкой уже больше года вместе, научились понимать друг друга с полуслова. Уговаривать? Просить, чтобы не поднимал шума? Чтобы дал возможность совершить глупость?

– Ты же понимаешь, что я иначе не могу? – тихо спросил Костенко.

– Можешь, – уверенно произнес штурман. – Ты можешь. И этот знак ваш... Это не знак на самом деле, это совпадение. Просто совпадение. Или даже хуже. Провокация. И ты...

– Я должен, – сказал Костенко. – Я...

Это было подло, приемчик был грязный, работал только против своих, против тех, кто стоит рядом и слушает, и хочет услышать продолжение фразы, начатой этим самым «Я», а продолжения не будет. Вернее, будет, но не словами.

Костенко ударил. Правой рукой, костяшками пальцев в горло своему штурману. Резко и сильно.

Олежка захрипел и стал оседать, Костенко подхватил его и осторожно опустил на пол.

– Я должен, – тихо сказал капитан и ударил своего друга по лицу наотмашь, целясь в нос. – Я должен.

И еще один удар, по брови. И снова – костяшками пальцев. Суставы заныли.

Костенко стащил со штурмана ремень, перевернул Олега лицом вниз, связал ремнем руки. Потом снова перевернул его на спину и заткнул рот свернутой пилоткой.

По бледному лицу Олега текла черная кровь. Из носа и из рассеченной брови.

– Извини, – сказал Костенко.

Штурман попытался ударить командира ногой, но тот увернулся и ремешком от штурманского планшета связал ему ноги.

Перетащил Олега на постель, прикрыл своей плащ-палаткой. Вышел наружу, откинув полог.

На душе было мерзко, хотелось вернуться и попытаться все-таки объяснить Олежке...

И было совершенно понятно, что ничего объяснить не получится. Он встал на боевой курс, и теперь ничто не может его увести в сторону. Только вперед.

На всякий случай Костенко расстегнул кобуру. Стрелять он не собирался, но и позволить кому-либо ему помешать капитан не мог.

Длинные тени от самолетов тянулись через белесую раскатанную поверхность аэродрома. Деревьев в округе почти не было, самолеты маскировались только сетками. Все понимали, что так неправильно, что если нагрянут «мессеры», то два счетверенных «максима» в роли зенитного прикрытия аэродрома будут выглядеть неубедительно, но сделать все равно ничего было нельзя, оставалось надеяться на то, что немецкая авиация занята советскими сухопутными войсками, утюжит окопы и точно выжигает чудом уцелевшие танки. Ну и сносит с неба Военно-Воздушные Силы Рабоче-Крестьянской Красной Армии, буде они не увернутся или попытаются нанести удар.

Костенко обошел уцелевшие самолеты полка и то, что осталось от эскадрильи «чаек», по широкой дуге. Не хватало еще натолкнуться на часового или кого-то из техников, уснувшего прямо возле самолета.

Было тихо, даже насекомые не стрекотали, словно густой и вязкий лунный свет запечатал их призрачным воском.

Восход сегодня в три двадцать семь по Москве. Плюс что-то около получаса для этих мест. Костенко взглянул на часы. У него еще почти три часа темного времени суток. Он успеет. Он должен успеть.

На дальнем конце взлетного поля стоял «У-2».

Вечером на нем привезли почту и запчасти, и утром пилот должен был вылететь. На рассвете.

Биплан был заправлен, Костенко, гуляя по степи, внимательно следил за тем, как техники заливают в бак горючее, как проверяют двигатель и управление. «У-2» садился жестко, бродячий «мессер» вцепил-таки ему пулеметную очередь по хвостовому оперению, и одна из тяг оказалась перебитой. Но залатать аппарат до темноты успели.

Иначе ничего у Костенко не получилось бы.

Капитан присел, опершись рукой о сухую землю. Часового возле биплана не было видно. А ведь был. Точно был, его начальник караула выставлял в десять часов. И в двенадцать наверняка сменил. Возможно, часовой примостился возле стойки шасси и спит. И кто там сейчас с винтовкой на посту? Кто-то из техников или оружейников. Весь не технический персонал аэродромных служб выгребли в пехоту еще неделю назад. Так что, наработавшись за день, водители и техники несли еще и караульную службу, засыпая иногда на ходу, или внаглую заваливались спать прямо на посту.

Начштаба ругался, грозился трибуналом, пойманный нарушитель клялся и божился, что и сам не понимает, как оно вышло, а на следующую ночь...

Темный силуэт появился из-за самолета. Лунный свет отразился на кончике штыка, светлой точкой поплыл над землей. Часовой нес службу по уставу, держа винтовку на изготовку. Оставалось надеяться, что «мосинка» на предохранителе.

Костенко выпрямился, одернул гимнастерку и решительным шагом направился к часовому. Ну мог командир эскадрильи пикирующих бомбардировщиков забыть что-то в самолете? Или, может, его комполка отправил проверить несение службы часовыми? Чушь,

конечно, не предусмотренная никакими уставами, даже Товарищ Уполномоченный не ходил тайно проверять посты, но время сейчас такое бестолковое, а техники и водители подробности уставов если и знали, то уже забыли.

Капитан положил руку на рукоять «ТТ» в кобуре.

Это он не продумал. Нужно было приготовить что-то тяжелое, что-то, что не может выстрелить при ударе о человеческую голову. А чертов «Тульский-Токарев» вполне мог устроить такую пакость.

Значит, напомнил себе Костенко, подойти как можно ближе, в упор. Заговорить часового, отвлечь его внимание, а потом... Лево́й рукой – за ствол винтовки, а правой пистолетом по затылку. За ухом. Не слишком сильно, чтобы не стрельнул... Черт-черт-черт...

Костенко чуть не сплюнул от злости на себя. Какой выстрел? Он же не дослал патрон в патронник. Он вообще последний раз передергивал затвор на «ТТ» и стрелял из него как бы не три месяца назад, когда надумали они с ребятами перед майскими праздниками устроить соревнование по стрельбе. Вот было смеху! Стрелки из летчиков были еще те...

Значит, бить сильно, но так, чтобы не проломить череп бедолаге. Он-то не виноват ни в чем. Просто подвернулся не вовремя.

До самолета и часового – метров двадцать. Не спешить. Не суесться. Можно даже насвистывать какую-то мелодию. Чтобы часового не подумал чего плохого. Он ведь слышал, как гуляли истребители. Кто-то из них вполне мог проснуться и пойти подышать свежим воздухом.

Кстати, хорошая идея. Прикинуться пьяным. А у нас к пьяным всегда относятся снисходительно.

Десять метров.

Часовой остановился, смотрит на Костенко. Винтовку опустил к ноге и ждет. Вояка. Если бы его сейчас начштаба застал, то крику было бы...

Пять метров.

А где же «Стой, кто идет?». Костенко сглотнул комок, вдруг откуда ни возьмись появившийся в горле. Часовой его узнал? Почему он молчит, черт бы его побрал! Ну оклики же, не томи...

Два метра.

– И где вы так долго ходили, товарищ капитан? – тихо спросил часовой голосом Лешки Майского. – Я уже волноваться начал...

Костенко остановился, словно пораженный ударом грома.

– Ты что здесь делаешь? – наконец спросил он. – Какого...

– Я здесь стою и смотрю на капитана Костенко, своего родного командира, – сказал Лешка. – Сейчас. А двадцать минут назад я треснул по башке водителя бензовоза Григория Петрова, связал, заткнул рот кляпом и аккуратно откатил этого здорового черта к бочкам. И жду вас, а вы все не появляетесь. И не нужно хвататься за пистолетик. Я, если помните, чемпион дивизии по боксу в среднем весе. Приложу так, что мало не покажется...

– Все равно я пройду. – Костенко шагнул вперед. – Я...

– Конечно, пройдете, – тихо засмеялся Лешка. – Только вот улететь в одиночку все равно ведь не получится. Вот так я и подумал, что вы не вспомните впопыхах все эти «контакт – есть контакт» и «от винта». Разбаловался пилот на современных аэропланах, забыл, как крутил пропеллеры... На «У-втором», подумал я, движок заводится с ручного старта. Как же капитан собирается взлетать? Уговорит штурмана? Так штурман мне сообщил в личной беседе, что не собирается помогать командиру в совершении глупости. Наотрез отказывается. Я бы тоже отказался, если бы не был идиотом. Вы же знаете, как часто боксера бьют в голову? Вот, наверное, мне ту часть мозга, которая отвечает за умные решения, и отбили

на фиг. Так что я с вами, товарищ капитан. А иначе хоть вырубайте меня, хоть стреляйте – а не взлететь вам...

Костенко застегнул кобуру, несколько раз глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться.

Вот зар-раза... Действительно, забыл. Забыл, что не сможет в одиночку завести двигатель.

– Хорошо, – сказал Костенко, оглядываясь на палатки. – Взлететь ты мне поможешь, а потом...

– А потом что? – осведомился Лешка. – Меня ведь Григорий Петров видел. Он знает, кто его по макушке треснул черенком от лопаты. Я ведь вначале с ним поболтал немного, а уж потом... Так что хоть так, хоть так, а мне все равно светит статья за нападение на часового. Лучше уж я с вами...

Костенко снова оглянулся на палатки.

Штурмана он связал, но ведь ни к чему не прикрепил, так что тот вполне мог... или с минуты на минуту сможет поднять шум. Нужно спешить.

– Ладно, вместе летим, – сказал Костенко и надел шлемофон. – Давай к пропеллеру...

– Есть! – Лешка козырнул левой рукой, не выпуская винтовку из правой. – Вы у штурмана для меня пистолет не взяли случайно? Нет? Придется с винтовкой.

Лешка отомкнул с винтовки штык, надел его острием к накладке.

– Только там это... Парашютов нет.

– Ты собирался прыгать? – спросил Костенко, забираясь в кабину пилота.

– Ни в коем случае, – засмеялся Лешка. – Я ведь высоты боюсь, вы же помните...

– Болтун, – пробормотал Костенко.

– Какой есть. – Лешка закинул винтовку за спину. Взялся за лопасть винта. – Контакт!

– Есть контакт! – ответил Костенко и крутанул ручку зажигания.

Пропеллер провернулся, мотор чихнул и завелся.

Был у Костенко соблазн не брать Лешку, развернуться и взлететь без него, но это было бы уже верхом свинства – оставить стрелка-радиста отвечать за все в одиночку.

Лешка запрыгнул в заднюю кабину, что-то крикнул.

Костенко оглянулся.

– Когда линию фронта перелетать будем, давайте пониже! – прокричал Лешка. – Вот над самой землей...

– Не учи отца... – ответил Костенко.

Самолет вырулил на дорожку, пошел на разгон. Мотор взревел.

У палаток зажглось несколько фонарей, на поле бежали люди.

Не успеют, подумал Костенко. Теперь уже никто не успеет его остановить.

«У-2» оторвался от земли и ушел в сторону линии фронта.

19 августа 1941 года, 23:05, Лондон

В кабинете было жарко. Хозяин кабинета соблюдал светомаскировку: плотные черные шторы были задернуты и окна, естественно, закрыты.

Гость был одет в легкий светлый льняной костюм, галстук после первых десяти минут разговора стащил с шеи и сунул в карман. А еще он был лет на двадцать моложе хозяина кабинета и на пару десятков килограммов изящнее, поэтому жару переносил значительно легче.

Может быть, именно поэтому хозяин кабинета, несмотря на то что пот обильно покрывал его лицо, пиджак снимать не стал и даже «бабочку» с шеи не сорвал. Лишь время от времени оттягивал ее от горла.

Хозяин был зол. На гостя, конечно, тоже, но на себя – в первую очередь.

Это ведь он сам позволил молодому джентльмену захватить инициативу. И сегодня, и тогда, месяц назад, во время первой встречи.

Да, молодой наглец имел очень серьезные рекомендации: член парламента написал записку с просьбой принять этого парня, а бригадный генерал лично позвонил и настоятельно рекомендовал встретиться с «очень информированным и потенциально полезным» журналистом.

Как же, журналистом!

Уже в первую встречу этот тип перестал прикидываться представителем четвертой власти. Вообще, тот разговор больше напоминал буффонаду: два клоуна изо всех сил делали вид, что не понимают друг друга. Вернее, Белый что-то пытался втолковать Рыжему, а тот валял дурака и корчил из себя идиота.

Причем, как понимали оба участника беседы, роль Рыжего досталась премьер-министру Англии. Закончился нелепый разговор, в общем-то, безрезультатно. Черчилль не поверил, что молодой развязный тип является доверенным лицом товарища Сталина, а тот предложил провести небольшое испытание. Попросил господина премьера выбрать любую фразу, которую Иосиф Виссарионович должен будет произнести в присутствии кого-то, кому Черчилль доверял. Глупость, фарс и водевиль.

Но Черчилль согласился. В конце концов, согласие это ему ничего не стоило, а закончить неприятный разговор позволяло немедленно.

Да... Кто же мог тогда знать?..

Разве что вот этот мужчина лет тридцати, с легким шрамом, тянувшимся от левого глаза к виску, знал это наверняка. Премьер мельком глянул в глаза собеседнику и отвернулся. Зеленые глаза посетителя смотрели весело, даже с насмешкой. Посетитель искренне развлекался и даже не пытался это скрыть.

– Гопкинс чуть не сошел с ума, – недовольным тоном произнес Черчилль, достал из ящика сигару и, тщательно ее обработав, закурил. – По его словам, это было сильное зрелище. Гарри повидал многое, но вот Сталин, цитирующий по бумажке Шекспира в оригинале, да еще и текст Офелии...

– Ну, господин премьер, вы сами выбрали отрывок. Могли же обойтись чем-нибудь менее экстравагантным. «Шалтай-Болтай сидел на стене...» – Посетитель качнулся на задних ножках стула. – Или там из Киплинга что-нибудь... «Мы идем по Африке...»

– Сталин хоть знал, что просит передать мне и Рузвельту? – осведомился Черчилль. – Он ведь не знает английского... Он кроме русского вообще ни черта не знает...

– Он еще знает грузинский, – улыбнулся посетитель. – Но вам-то от этого не легче... А содержание своего послания он знал. Ему перевели. Иосиф Виссарионович даже трени-

ровался в произношении. И скажу вам по секрету, текст для него был написан русскими буквами.

– Послушайте... – Черчилль попытался вспомнить фамилию посетителя, но она вылетела у него из головы. – Как вас...

– Орлов, Даниил Орлов, – подсказал посетитель. – Можно просто Дэн.

– Послушайте, Дэн... – Черчилль передвинул сигару из одного угла рта в другой. – Все это, конечно, в высшей степени забавно, демонстрирует ваши связи в Кремле... Даже влияние на Сталина, но я не совсем понял, для чего все это затеяно. Продемонстрировать информированность советской разведки? Это вам удалось – вы узнали о встрече на Ньюфаундленде еще до того, как она была назначена. И эти милые детали о пересадке президента с яхты на крейсер «Аугуста»... Я даже представить не могу, откуда и как вы получили эти сведения...

– Не из советской разведки, поверьте, – став вдруг серьезным, сказал Орлов. – Я пока не пользуюсь этим источником.

Черчилль обратил внимание на специально выделенное интонацией «пока» и угромо кивнул.

– Выглядите уставшим, – сказал Орлов. – Переговоры были тяжелыми...

Он не спрашивал, он констатировал, как будто точно знал, о чем велись беседы в капитанской каюте «Аугусты» или в адмиральском салоне «Принс ов Уэлс». Но премьеру было на это наплевать. Он даже королю не стал раскрывать подробности тех разговоров. Просто сообщил, что помощь будет, что в войну Америка вступать в ближайшее время не собирается, но что прогресс в этом направлении заметен, прогресс, так сказать, прогрессирует, и что эти постоянные намеки американцев по поводу послевоенной судьбы Британской империи – всего лишь намеки, в ближайшее время никаких серьезных требований по этому поводу президент предъявлять не будет.

Но ведь на самом деле милый друг и родственник не скрывал, что собирается на этой проклятой войне нажиться, за счет Британии в том числе.

Черчилль ударил кулаком по подлокотнику своего кресла.

– Но ведь вы поговорили с президентом по МОЕМУ вопросу, – вежливо улыбнувшись, сказал Орлов. – Надеюсь, хоть это вас немного развлекло... И немного сбило спесь с президента ваших бывших колоний?

– О да, – помимо воли усмехнулся Черчилль. – Франклин даже побледнел больше обычного, а Гопкинс... Гопкинс и так выглядел плохо. Человек, которому вырезали кусок желудка с раковой опухолью, должен вести менее подвижный образ жизни... Но я его люблю, честное слово. Он, конечно, проклятый янки и все такое, он, конечно, сдерет с меня последнюю рубашку, но помощь окажет. Окажет, черт возьми, помощь...

– А вы хотели, чтобы они просто объявили войну Германии? Вот так вот – вызвали в Белый дом посла Германии и сообщили, что с полудня начинают бомбить Берлин? – Орлов покачал головой. – У них там общественное мнение, между прочим.

– Можно подумать, у нас его нет... – поморщился Черчилль. – Но я...

– Есть некоторая разница между шириной Канала и шириной Атлантического океана. В прошлом году Рузвельт был переизбран только потому, что молчал по поводу европейской войны. Если бы он только попытался объявить, что хочет в нее ввязаться, то...

– Да не читайте мне лекций, в конце концов! – вспыхнул премьер. – Достаньте лучше из шкафчика бутылку и стаканы... Вы пьете бренди?

– Во время серьезных разговоров – нет, – не пошевелившись, сказал Орлов.

– А я – пью! – Черчилль встал с кресла и, бормоча ругательства, пошел к шкафчику. – Всякий молокосос будет меня учить жизни... Никогда, слышите, никогда немного бренди не мешало серьезному разговору. Не пьет он, видите ли! А я вот...

Черчилль достал початую бутылку, вытащил пробку и налил бренди в хрустальный стакан.

– Чтобы вы сдохли! – провозгласил он и сделал большой глоток. – И за победу!

Черчилль вернулся в кресло, поставил бутылку на стол перед собой. С вызовом посмотрел на собеседника. Тот вздохнул.

– Ладно вам, не в моем возрасте менять привычки... – Черчилль снова отхлебнул бренди. – Но разговор у меня с американцами получился забавный... А я-то вам сразу не поверил, все эти разговоры о Гавайях, о провокации нападения... Высказал я это все только потому, что меня разозлили эти намеки на, видите ли, угнетение Индии. Конечно-конечно, бедные индийцы... А сами Филиппины держат? Мы уйдем с них в сорок шестом году...

Черчилль попытался сымитировать интонации Рузвельта, но получилось не очень похоже.

– Ладно, потом посмотрим, – махнул левой рукой премьер. – Время покажет. До сорок шестого года, как мы с вами понимаем, еще дожить нужно. А потом что-то изменится... Но ведь это какими же тупицами нужно быть, чтобы вот так готовить войну против себя! Значит, если сами напасть не могут, то нужно подставить свой флот и давить на японцев дипломатически, отрезая пути к отступлению... Замечательно. Прекрасно! Нет, ну какое свинство! Нам они намекают, что ждут продвижения Японии на запад, в Россию. Великолепно! Кто же не хочет этого движения? Все в мире этого хотят. России осталось меньше месяца, она уже пропустила удар в челюсть и сейчас стоит, покачиваясь, и даже не пытается отбиваться...

– У Гопкинса возникло другое впечатление...

– Бросьте, Дэн, хоть вы не рассказывайте мне этих сказок! Сталин может сколько угодно прикидываться, играть уверенного и сильного... А вы слышали, что он пытался договориться с немцами? Через болгар пытался, готов был отдать все, что Гитлер и так у него уже занял? Будете утверждать, что это слухи? Слухи? Нет, вы скажите!

– Я не буду комментировать ни это, ни что-либо другое, – спокойно произнес Орлов. – Но, как мне кажется, можно было бы проявить чуть больше уважения к тем, благодаря кому Лондон хотя бы не бомбят.

– Даже так? Я, конечно, безмерно уважаю большевиков... Какую потрясающую речь я произнесу в парламенте по случаю взятия немцами Москвы... Со слезой и совершенно искреннюю... А сейчас я буду делать все, чтобы американцы не вздумали отправлять в Россию оружия, боеприпасов, алюминия... Все это нужно здесь, в Британии. Пока Америка не вступит в войну, нам придется в одиночку сражаться с нацистами, и я...

Орлов похлопал в ладоши. Тихо и медленно. С легкой ухмылкой на загорелом лице.

– Что? – спросил Черчилль. – Будете докладывать об этом Сталину? Об этих моих словах? Пожалуйста! Сколько угодно. Думаете, он ко мне относится лучше? Думаете, он не понимает, что лично его судьба, как и судьба его многострадальной державы, интересует меня только как... как средства соблюдения интересов моей страны. А ему по большому счету наплевать и на Британию, и на Америку... Нет, не наплевать... Он бы с удовольствием слопал бы и нас, и американцев. Чертов Рузвельт делает вид, что не понимает этого... Так что докладывайте Сталину, не стесняйтесь...

– Я, как мне казалось, уже объяснял вам во время прошлой беседы, что не состою на службе у Сталина. Я даже гражданином Советской России не являюсь, как, впрочем, ни одного из существующих государств. И я прошу вас не тратить времени на все эти эскапады. Меня интересует один конкретный вопрос. Ваши условия я выполнил – Сталин прочитал тот текст вслух, это значит, что он как минимум прислушался к этой моей просьбе. Так?

– Ну... Так.

– Я продемонстрировал вам свою информированность. Этого вы тоже отрицать не будете?

– Не буду. – Черчилль снова поднес стакан к губам, обнаружил, что он пуст. – Проклятье!

Премьер хотел налить еще бренди, но Орлов встал со стула, подошел к столу и забрал бутылку.

– Вы с ума сошли? – осведомился, свирепея, Черчилль.

Он положил руки на подлокотники, словно собирался встать.

– Оставайтесь на месте, – сказал Орлов. – Если попытаетесь сунуться за бутылкой – я ее разобью. И не исключено, что о вашу голову.

Черчилль недоверчиво посмотрел на Орлова. То есть это сейчас с ним разговаривал этот русский? И ему угрожал в его собственном кабинете? Угрожал человеку, который не раз ходил в сабельную атаку и который сумел сбежать из бурского плена? Это ничтожество...

– А давайте мы поговорим не о вашем самолюбии, а о судьбе вашей страны. – Орлов сел на стул и поставил бутылку с бренди на пол. – А потом можете бросаться в драку, вызывать охрану...

– Хорошо, – подумав, кивнул Черчилль. – Хорошо. Давайте поговорим о Британии. По вашему наглomu виду я могу судить, что вы можете как-то повлиять на ее судьбу? Вы сделаете так, что...

– Я сделаю так, что... Ведь вы же сказали, что пришли на пост премьера не для того, чтобы участвовать в ликвидации империи? Сказали?

– В частной беседе...

– Ну, фраза хорошая, выпуклая, вы ее можете и в речь вставить... Лишней не будет, – отмахнулся Орлов. – Так вы не хотите участвовать в ликвидации?

– Нет. Не хочу.

– Великолепно. Идем дальше. Вы уверены, что России осталось меньше месяца до нокаута?

– Да.

– И вместо того чтобы отправлять ей сырье и вооружение, лучше все это отдать Британии?

– Да.

– Хорошо... Допустим, все так и выйдет.

– Именно так. И никак иначе. У меня есть опыт того, как наши поставки на север России в ту войну...

– Да-да, скопились в Мурманске и Архангельске и потом чуть не достались немцам, вошедшим в Финляндию, я помню... – Орлов покачал головой. – Пришлось высаживать десант... Потом уходить – морока. То есть исторический прецедент есть. И следуя британской традиции, вы поступаете согласно этому прецеденту. Россия разбита, капитулировала или даже вообще стерта с лица земли. Что произойдет после этого?

– Действительно, что же произойдет? – осведомился Черчилль.

– Я только намекну, – ласково, как больному ребенку, улыбнулся Орлов. – Иран. Ирак. Персидский залив. Индия. Британия, конечно, правительница морей, но на суше пока всякая встреча с вермахтом для нее заканчивалась поражением той или иной степени тяжести...

– Ну уж никак не сравнимые с поражениями России, – не удержался Черчилль. – В Белоруссии сколько вы потеряли? И Москву бомбят, насколько я знаю... Это, конечно же, демонстрирует прекрасные перспективы России в войне.

– Наверное, вы правы, – не стал спорить Орлов. – Я спокоен за англичан, у них очень... э-э... уверенный премьер-министр. Он направит войска в Иран и Ирак... Из метрополии, надо полагать. Или из Индии. А, понимаю, Австралия и Новая Зеландия отправят, как в ту войну, свои войска. Напомните мне, сколько танков сейчас в метрополии, Новой Зеландии и Австралии. Если мне не изменяет память, то именно это английское изобретение сейчас

определяет сухопутные операции. И заодно назовите типы танков, которые смогут противостоять немецким. Что?

Орлов приложил ладонь к уху, прислушиваясь.

– Как-то вы красноречиво молчите, господин премьер-министр. А ведь я еще не вспомнил Норвегию, проигранную вами при полном господстве на море. Крит, потерянный вами при полном господстве на море. Я даже готов для упрощения модели представить себе, что карта мира ограничивается только вашей империей и Европой. Германия, нанеся удар через юг России, выходит к вашим нефтяным полям. А еще получает ресурсы России – уголь, металлы, лес, продовольствие. Боюсь, что даже людские ресурсы – тоже получает. Ну разве откажутся русские, которых вы бросили... – увидев, что Черчилль вскинул голову, Орлов сделал паузу, давая возможность тому высказаться, но премьер промолчал. – Разве откажутся они принять участие в ударе по Британским островам? И что тогда? Америка, скажете вы? Конечно, Америка. Естественно, все в Штатах будут счастливы вступить в войну именно в этот момент. То есть пока еще трепыхается Советский Союз, пока еще есть, пусть призрачная, возможность удержать его на плаву, Америка не вмешивается, а тут, когда Англия осталась одна и получает одного пинка за другим, тут, конечно, американские избиратели потребуют, чтобы Рузвельт отправил их сыновей под нож к непобедимым войскам Гитлера... В очереди выстроится перед призывными пунктами, чтобы записаться на войну. Митинги будут устраивать по всему Вашингтону... Вы так себе эту картину видите?

Черчилль молчал.

Проклятый русский весело и с усмешкой вслух произносил то, что Черчилль старательно прятал даже от себя самого. Америка не полезет в войну, даже если Рузвельт этого захочет. Именно это сказал кузен Франклин десятого августа после совместного молебна на борту «Принса».

– Пока на нас не нападут, мы в войну не вступим, – сказал Рузвельт и посмотрел на Гопкинса, сидевшего рядом.

Тот кивнул.

– При всем моем желании вмешаться, – Рузвельт развел руками. – Нас должны ударить. И крепко ударить. Первыми. Только тогда я смогу...

А Германия по Америке не ударит. Даже если утопит пару десятков американских моряков, то ничего не произойдет, кроме очередного дипломатического демарша. «Луизиану» они Германской империи припомнили только через пару лет. А у Британии этой пары лет не будет. Не будет...

– Мы с вами полностью отвергаем возможность встречи германских войск на Суэцком канале? – спросил Орлов. – Ромвель с запада, Гудериан с востока... Отрицаем или признаем возможным? Давайте в порядке бреда признаем такую возможность. Что у нас там дальше? Корабли из Индии идут мимо мыса Доброй Надежды, крюк получается очень солидный, кораблей как бы становится меньше, хоть их никто вроде и не топил... Хотя, извините, их будут топить. Это в Атлантике американцы как-то вас прикрывают, а немецкие подводные лодки в Индийском океане... Чем будете охранять конвои? Боюсь, у американцев старые эсминцы уже закончились. Да и вам за новую порцию корабликов расплатиться уже как бы и нечем... Разве что Сингапуром... Да, кстати...

Орлов встал со стула и подошел к карте, висевшей на стене.

– Сингапур... – Орлов поводил пальцем по карте. – Ага, вот он... И еще Гонконг... Будете отдавать американцам? А они возьмут? И кстати, тут ведь еще есть острова. Как-то мы о них совсем забыли. Япония. Как же, как же... Мы оставили Японию в тот момент, когда ее войска заняли Индокитай. Еще и месяца не прошло. Индокитай... Боже, да это же

совсем рядом с Индией. Базовая авиация японцев сможет туда летать, как на полигоны... Да и по суше туда рукой подать. Значит, Гонконг они возьмут, Сингапур – возьмут... Что им противопоставите вы? Что там у вас в южных морях из флота? Американцы там рядом, на Филиппинах, они в любой момент могут нанести удар... Но мы с вами помним, что пока не ударят их по морде, они в драку не полезут, тем более за уже практически проигравшего спортсмена. Да не молчите вы, господин премьер-министр! Не молчите! Спорьте, аргументируйте. Вот вы Советскому Союзу помогали до последнего момента, от сердца отрывали, но слали и слали помощь, слали и слали... А теперь ваша очередь. Скажите это, превратите мой монолог в диалог, опровергните дилетанта системой профессиональных аргументов!

Орлов вернулся на свое место, сел, сложив руки на груди.

– Я где-то в чем-то напутал? – спросил он. – Где-то есть дыры в моих рассуждениях?

– Но у русских и в самом деле нет шансов устоять... – тихо произнес Черчилль. – Даже если мы отправим туда все, что американцы нам поставили, – шансов нет. В сентябре, самое позднее, немцы возьмут Москву.

– Значит, и у вас нет шансов. Погибнет Россия – погибнет Британия. Очень простая связка. И заметьте, Япония не станет наносить удар по русскому Дальнему Востоку. Зачем им это? Войск на Дальнем Востоке у России довольно много. Опыт общения с ними у японской армии есть, и неприятный. Зачем дергаться? Даже если Россия начнет переброску войск из Сибири под Москву, и тогда японцам нет смысла торопиться. Как только немцы войдут в Москву, Сибирь упадет в руки Японии, как спелое яблоко. Даже боев не будет – просто войдут и возьмут. Я, естественно, утрирую, но... – Орлов развел руками. – Пока Германия будет побеждать, особенно после разгрома России и начала уничтожения Британской империи, Японии куда выгоднее двигаться на юг. Немцам Индия не нужна. Немцам хватит Персидского залива. Там и остановятся. А Японии Индия очень даже пригодится. И что мы имеем в итоге? Давайте я не буду отвечать. Сами придумайте ответ для себя...

Черчилль молчал. Тяжело молчал, напряженно. Сигара сторела, но премьер этого не заметил.

– Ну что я еще могу сделать? – наконец нарушил молчание Черчилль. – По поводу ленд-лиза мы договорились. Пятнадцатого числа отправили по этому поводу телеграмму в Кремль. В конце месяца первый конвой придет в Россию.

– Хорошо, – одобрительно кивнул Орлов. – Это правильное решение. Я не жду от вас того, что вы станете ангелом и альтруистом, но очень рассчитываю на ваш прагматизм.

– Мой прагматизм? – вскинул голову Черчилль. – И как этот мой чертов прагматизм сможет заставить янки влезть в эту проклятую войну? Если их прагматизм не слишком этого хочет. Желания президента в этом случае мало. Мало, дьявол его раздери! Они хотят удара, они ждут удара именно по Гавайям, но что я могу тут поделать? Взять японцев за руку и провести их к островам? Как я могу вдолбить в их головы, что не нужно лезть на юг, а нужно ударить через Тихий океан? Мы говорили с Рузвельтом, он рассказал – не сразу, не все, но рассказал, – что они сделали и что будут делать. Со своей стороны... В ноябре прошлого года мы продемонстрировали в Таранто, что флот в гавани уязвим для авианосной авиации. Что дальше? Американцы на это внимание обратили, японцы, кажется, тоже. И что? Следуя вашей логике, нам всем нужно, чтобы Япония напала на Америку. Если они сцепятся в драке, Гитлер не удержится и тоже объявит войну Штатам. Он романтик, он серьезно относится к своим обещаниям, данным союзнику... Но как заставить Японию? Как?

– Я над этим работаю, – тихо сказал Орлов. – Вот прямо сейчас – работаю.

– Ну так работайте! Я вам зачем? – вскричал Черчилль. – Я вам зачем?

– Мне нужно, чтобы вы работали с Рузвельтом. Мне будет очень трудно... почти невозможно с ним встречаться... в том числе и по причине его инвалидности. Он честно хочет укрепить свою страну в ходе этой войны, он не желает губить своих парней ради спасения

кого бы то ни было, кроме, естественно, Америки... Да и никто в Америке этого не захочет. Вы бы слышали, как он радовался, когда началась эта война! – Орлов хмыкнул, потер ухо. – Наконец-то! Ему экономику нужно поднимать, они еще после депрессии не восстановились... Рузвельту сейчас непросто, он один. А если вы будете рядом, вместе понесете потери...

– Какие потери?

– Вы полагаете, что если японцы ударят по Америке, то ваши колонии останутся нетронутыми? Вы полагаете, что, подставив свой флот под удар с вашей помощью, Рузвельт не захочет от вас взаимности? Немного британской крови на алтарь победы? Вам будет проще на него влиять, если у вас будет общая тайна, ведь так?

– Наверное...

– И сунуть в капкан для наживки сотню-другую американцев будет для него проще, если вы прицепите на крючок сотню-другую своих... И корабль.

– Что значит – корабль?

– Вижу лорда адмиралтейства, – засмеялся Орлов. – Ну, что-то придется подставить под удар. Справятся японцы или нет – другое дело, но подставить нужно, иначе американцы не поймут.

– Вижу, вы все продумали... – Черчилль вздохнул, достал из кармана платок и вытер мокрое лицо. – Американцы предоставляют наживку и давят на Японию дипломатически. Мы рискуем колониями и тоже участвуем в травле Японии. Что предлагает Россия? Или она хочет выиграть, не сделав ставку?

– Россия предоставляет для работы с Японией свою агентурную сеть, – сказал Орлов. – Переговоры непосредственно с Японией будут вести русские. С американцами будете работать вы. Задача – обеспечить удар Японии по Гавайям. Согласны?

Черчилль молчал.

– Я еще раз спрашиваю вас – согласны? – Орлов встал со стула.

– Да, – громко и твердо ответил Черчилль.

– По всем позициям?

– Если вас интересует вопрос мяса в капкане, то да – я согласен сотрудничать по всем позициям.

Орлов поставил на стол перед Черчиллем бутылку.

– Рук пожимать не будем. Вы мне ничего не должны, я вам ничего не должен. После того как Япония вступит в войну, мы с вами, скорее всего, больше не встретимся... И чтобы потом не было недоразумений. Не нужно пускаться за мной хвост. Искать меня тоже не нужно, это может плохо закончиться не только для тех, кто пойдет за мной, но и для вас лично.

Орлов шагнул к двери.

– Да кто же вы такой? – спросил вдогонку Черчилль.

Орлов остановился, медленно повернулся к премьер-министру Британии.

– Так кто ты, наконец? – продекламировал он с дьявольской усмешкой. – Я – часть той силы, что вечно хочет зла!

Орлов кивнул и вышел из кабинета.

– И вечно совершает благо... – в задумчивости закончил цитату Черчилль, спохватился и позвонил по телефону, чтобы отменить свой приказ о слежке за посетителем.

Орлов вышел на улицу, с наслаждением вдохнул прохладный ночной воздух.

Разговор прошел нормально. Нормально.

Осталась сушая безделица. Пустяк. Все хотят, чтобы Япония нанесла оплеуху Америке. Все. Даже Америка хотела.

Только проблема есть небольшая.

Передумала Япония. Передумала.

Такие дела.

Глава 2

23 июля 1939 года, Берлин

Оркестр играл только веселые, жизнерадостные мелодии. Люди смеялись и разговаривали громкими звонкими голосами. Все были счастливы, даже мальчишка лет пяти, закапризничавший вдруг и пустивший слезу, ровно через минуту повеселел и увлеченно стал рассказывать своей «мутти», как рыжий Франц из соседнего дома свалился с качелей прямо в лужу.

Орлову вовсе не хотелось есть. Мясо он заказал только для того, чтобы иметь возможность – замотивированную возможность – не отвечать на вопросы Игрока. Тот сейчас просто развлекается, ходит вокруг Орлова кругами, как акула. А потом бросится вперед, щелкнут многорядные челюсти... Или у акулы челюсти не щелкают? Не довелось Орлову близко видеть акулу в момент нападения. Тигра видел, медведя видел, а акулу...

Хотя – вот она, зубастая, сидит за столиком напротив Орлова, улыбается, рассуждает о преимуществе немецких вин над всеми остальными винами мира... Приятный, общительный и милый человек, прекрасный собеседник, будто и не объяснял пару минут назад Орлову, что бывший поручик – всего лишь послушное орудие в руках Игрока, пусть высокомерная, пусть обидчивая, но – игрушка.

И самое обидное в этом то, что Игрок прав.

Поначалу Орлов и вправду был благодарен Игроку за спасение. И был потрясен самой идеей путешествий во времени и впечатлен – это очень слабо сказано – необходимостью защищать течение времени, устранять возникшие помехи, выполнять за Вселенную мелкие действия, без которых реальность неизбежно искажалась или даже могла рухнуть, превратиться в бог знает что...

Это была настоящая работа. Самая настоящая работа на свете. Странно было только то, что Орлов оказался первым и единственным человеком в странном месте, откуда можно было наблюдать за ходом истории и своевременно определять угрозы для этого хода.

Будто самому Игроку идея защиты времени пришла вот только-только, только час назад, минуту... секунду решил он, что нужно что-то делать, осознал угрозу.

Или и вправду – только что?

Игрок объяснял Орлову, как пользоваться «воронками», как определять время и место их возникновения – это было интересно, очень интересно, но кто самому Игроку все это показал и объяснил? Не мог же обычный человек сам все это открыть или построить?

Или мог?

Или не обычный?

Или не человек?

Орлов старался об этом не думать. Он работал. Искал себе союзников, учился точно выявлять ключевые моменты событий, определять необходимые точки воздействия. Игрок подсовывал ему книги – и научные, и беллетристику, фантастику в том числе. О путешествиях во времени, о временных парадоксах, о развилках в истории – и никак не оценивал эти книги. Прочитали? Отлично, возьмите вот эту книгу еще... Насколько прав писатель? Это вы уж сами выясните со временем.

Вы стоите у истоков самой невероятной организации в истории, сказал как-то Игрок. Все эти писатели рассказывают о том, как работают конторы и институты, как уже сложившиеся команды, имеющие опыт и наработки, распутывают временные петли и предотвращают парадоксы и нарушения. А вам только предстоит такую организацию создать, найти

людей, деньги, технику, продумать структуру, решить, насколько свободно можно вести себя в прошлом, определить, насколько гибко и эластично время, способно оно погасить колебания, или та самая бабочка из американского рассказа способна все изменить.

– У вас не кружится голова от громадности предстоящей работы? – спросил Игрок.

Орлов сказал, что нет, что не кружится. Сказал, что работу нужно делать с ясной головой и уверенностью в ее необходимости.

Красиво сказал, несколько высокопарно, но искренне. Игрок даже не спорил, дал время на подбор людей, а потом поставил задачу... Первую задачу, которая закончилась гибелью нескольких тысяч человек в древности и десятков людей в сорок первом году. Орлов не боялся крови, пролил ее немало еще до встречи с Игроком, но вот грязь...

Когда Игрок рассказал о новой задаче, Орлов вначале отнесся к ней спокойно. Он изучал историю той войны, знал, что Япония ударила по Перл-Харбору, что именно этот удар определил дальнейшее течение времени, и мог представить, какие катастрофические последствия для нормального – канонического – течения истории может иметь отказ Ямато от удара по базе Тихоокеанского флота. Потом...

Потом все стало немного хуже.

Намного хуже, если быть честным перед самим собой.

– Скажите, Даниил Ефимович, – Игрок дождался, когда Орлов отложит вилку, – а как вы сейчас оцениваете значимость для Вселенной своей личности?

– Это вы о чем?

– Ну как же... Вы запросто общаетесь с великими людьми. По-настоящему великими, без преувеличений. Вы вошли в кабинет к Сталину, имели встречу и беседу с Черчиллем... Это поднимает вас в собственных глазах?

– Не знаю, – на мгновение задумавшись, ответил Орлов. – Наверное, нет.

– Что так? – изумленно приподнял брови Игрок.

На его лаковом лице эта гримаса смотрелась странно, чтобы не сказать – неестественно. Должны были появиться складки, проступить морщины, а вместо этого брови будто переехали чуть выше и изогнулись. Словно кто-то стер предыдущее выражение лица и мгновенно нарисовал новое. Кисточкой на гладкой розовой болванке.

– А почему я должен подниматься в собственных глазах? Приходит водопроводчик в дом к барину, говорит, что с трубами непорядок, объясняет, что если меры сейчас не принять, то зальет все до первого этажа. Предлагает убедить остальных соседей, что это и их проблема... Водопроводчик что – становится при этом ровней жильцам этого дома? Он свою работу выполняет, и все.

– Работу... – задумчиво произнес Игрок. – Возможно, вы и правы. Только...

– Что?

– У вас нет амбиций, вот что. Это плохо. Вы отчего-то решили, что вашу работу можно выполнять только благородно, чисто... Как вы тяжело переживали ту историю с реактивными минометами... Я ведь знаю, что вы ходили в прошлое, лазили по руинам, пытались отследить, что же в этом городке было не так... А ничего такого в нем не было, просто я заставил вас их убить, потому что имел такую возможность. Чтобы макнуть вас в кровавое дерьмо. С головой макнуть. Троекратное погружение с головой, как при обряде крещения. Вы чувствуете себя просвещенным? Стало легче говорить о будущем? Или вы и дальше будете выбирать наименее кровавый путь? – Лицо Игрока снова лишилось выражения. – Меня утомляет ваше чистоплюйство и желание окружить себя такими же чистоплюями.

Орлов посмотрел на часы и быстро перевел взгляд обратно, на лицо собеседника.

– Ждете? – спросил Игрок. – И вам не нравится, что я составил вам компанию в такой ответственный момент? Но ведь вы не задумали ничего такого... нечестного? И пистолет, который вы держите в кармане, – это ведь всего лишь предосторожность. Правда? Вы ведь не собирались никого убивать здесь и сейчас? Вы же не можете убить человека только потому, что он вам неприятен? Иначе вы бы косили людей сотнями, тысячами и сотнями тысяч во всех странах и во все времена...

Орлов стиснул зубы.

– Иногда, – почти печально произнес Игрок, – иногда мне кажется, что я сделал ошибку, выбрав вас для этой работы... Для вас соблазн делать добро стал слишком большим испытанием. Похоже, что на такой ответственной... э-э... должности очень хороший человек так же вреден, как и плохой. Идейные люди не должны занимать ответственные посты. Слишком много возможности для воплощения их надежд и фантазий. Злодей станет убивать и подличать, перекраивать мир под свои воспаленные фантазии, создавать Темную Империю, если хотите. Гуманист будет строить утопию, мир всеобщего счастья... и прольет крови не меньше, чем злодей... Если не больше...

– А кто же тогда нужен? – спросил Орлов.

– Прагматик, – быстро ответил Игрок. – Эгоист, себялюбец... Он будет жить для себя, его вполне устроит его собственное благополучие, ему будет наплевать на судьбы остальных. Он создаст себе комфортные условия, уютный мирок для него самого. Что, в конце концов, ему нужно? Бабы? Жратва? Что еще? Чувство собственной значимости, которого вы начисто лишены? Вы полагаете, что он станет перестраивать мир, менять историю? Нет и нет. Он ленив, помимо всего прочего.

– Идеальный руководитель, – с иронией сказал Орлов.

– Вот! – воскликнул Игрок. – Вот именно! Вы поняли. Именно руководитель. В качестве исполнителя такой человек страшен, в качестве мелкой сошки он будет глотки рвать, лить кровь и рушить судьбы, лишь бы забраться на самый верх. А вот наверху он станет просто душкой... Как вам моя теория?

– Воняет от вашей теории.

– Не без того... А как иначе? Иначе – нельзя. Теория воняет, но на практике... на практике мы ее припудрим, надушим... Да и зная прекрасную особенность человеческого носа, мы можем быть уверены – через несколько минут мы привыкнем к этой вони и перестанем ее замечать. Кстати... – Игрок печально вздохнул. – Сделайте мне подарок, дорогой Даниил Ефимович...

– Какой?

– Подарите мне свой пистолет. Тот, что у вас в правом боковом кармане пиджака. «Браунинг», если не ошибаюсь?

– Это мое оружие...

– Если ровно через минуту ваше оружие не станет моим, то наша договоренность будет расторгнута. Вы готовы к этому? Прикиньте, что на ваше место я найду другого человека... У меня даже есть кандидат.

– Прагматик?

– И эгоист, будьте уверены. – Игрок взял со стола салфетку и бросил ее на колени Орлову. – Оружие, пожалуйста.

Орлов достал из кармана пистолет, завернул его в салфетку и передал Игроку.

– Вот и замечательно, – резиново улыбнулся Игрок, перекладывая пистолет себе в карман.

– Вы понимаете, что может возникнуть необходимость...

– Вы очень надеетесь, что такая необходимость может возникнуть, Даниил Ефимович. Вы собирались поставить меня перед неизбежностью выбора – рискнуть всем и убраться

неприятного вам человека или позволить ему... А вот, кстати, и он... – Игрок налил себе в бокал вина. – Если, паче чаяния, такая необходимость возникнет, то я либо сам все сделаю, либо верну вам ваш «браунинг».

20 апреля 2012 года, Уфа

Торопов закрыл глаза; ему казалось, что солнце, отражаясь от носков начищенных сапог Нойманна, раскаленным прутом ударило в зрачки. Как он не заметил этих сапог сразу? Там, во дворе...

Да, длинный плащ, но ведь сапоги трудно спутать с ботинками или туфлями... Не обратил внимания? А если бы обратил? Если бы заметил необычную обувь – закричал бы?

Побежал бы прочь?

Гестапо...

И ведь не пистолет теперь пугал Торопова больше всего, не нож, украшенный готической надписью, а спичка в руке у штурмбаннфюрера. Обычная спичка. И шуточный тон Нойманна. И насмешка во взгляде Краузе.

Торопов открыл глаза – Нойманн стоял перед ним, заложив руки за спину и перекатываясь с носка на каблук и обратно. Голову немец чуть склонил к правому плечу и, казалось, с интересом рассматривал Торопова. Как скульптор перед каменной глыбой... перед древесным стволом, из которого предстояло вырезать нечто... Боже, вырезать...

И что странно, мелькнуло где-то в мозгу Торопова, где-то глубоко-глубоко, в темноте... Торопов даже не сразу осознал, что именно проплыло над самым дном его разума.

Откуда здесь гестаповцы? Здесь, в глухомани, в российской глубинке, в Уфе... Через шестьдесят семь лет после войны... Появились и ведут себя, будто имеют на это право, будто время не властно над ними. Будто это нормально, когда гестаповцы вот так, запросто, хватают ни в чем не повинного человека... А он не виноват ни в чем! Ни в чем! Нельзя, в самом деле, творить такое только за то, что Торопов писал на сайте... на сайтах... Нельзя!

Краузе стащил с себя куртку, бросил ее на прошлогоднюю хвою, устилавшую пространство между деревьев, тоже остался в черном мундире. На ремне – кобура. Расстегнутая кобура.

Водитель взял из машины «шмайссер» и отошел за деревья, туда, откуда приехал микроавтобус. «Шмайссер», упрямо повторил про себя Торопов, наплевать ему на то, что сам неоднократно по этому признаку уличал оппонентов в Сети в незнании истории и материала. Какая, на хрен, разница?

– Сколько вас заброшено сюда?

Торопов не сразу понял, что это у него спрашивает Нойманн. А еще не понял вопроса. Что значит – заброшено?

– Я не понимаю... – тихо сказал Торопов. – О чем вы?

– Ответ неверный! – радостно сообщил Краузе, шагнул вперед и ударил. – Неверный ответ.

Кулак врезался в солнечное сплетение Торопова, мир вокруг качнулся и стал меркнуть. Темнота поползла откуда-то из-за спины, заливая поляну, деревья, небо и солнце.

– Не спать! – крикнул Краузе, и его ладонь хлестнула Торопова по щеке. – Не спать!

– Я... не понимаю... вас... Вы меня с кем-то путаете... – еле слышно прошептал Торопов, все силы у него уходили на то, чтобы дышать и устоять на ногах. – Я хочу ответить, но я не понимаю...

– Ладно, – кивнул Нойманн. – Попробуем по-другому. Имя? Фамилия? Возраст?

– Андрей... Андрей Владимирович Торопов... – Мир вокруг перестал раскачиваться, говорить стало легче. – Тысяча девятьсот семьдесят второго года рождения...

– Коммунист?

– Нет! Нет, что вы! – выкрикнул Торопов.

– И даже не были комсомольцем? – с усмешкой осведомился Нойманн. – Как же вы в НКВД смогли поступить?

– Я не вступал в НКВД! Я... Да. – Торопов бросил быстрый взгляд на Краузе и зачистил торопливо: – Да, я был комсомольцем... был. Тогда все были комсомольцами... Нас заставляли... Тогда ведь всех заставляли, вы же должны и сами помнить...

Торопов осекся, сообразив, что если немец и вправду гестаповец, то откуда ему это помнить? А сумасшедший Краузе может вообще решить, что это издевательство над ними, над их начальником... И снова ударит.

Не нужно меня бить. Не нужно!

– Всех, кто достигал четырнадцати лет, записывали в комсомол. – Торопов заискивающе улыбнулся, пытаясь поймать взглядом глаза Нойманна. – Как в гитлерюгенд. Ну, почти...

– Предположим, – кивнул Нойманн. – Предположим... Как вы смогли проникнуть в это время? Метод? Аппарат или через воронку?

– Что? – не поверил своим ушам Торопов.

Ему показалось... Показалось, что штурмбаннфюрер сказал «проникнуть в это время»... Показалось ведь? При всем безумии происходящего эта фраза просто не могла прозвучать. Не имела права.

Что значит – проникнуть в это время? Гестаповец полагает, что Торопов... Нет, чушь, конечно, это Торопов ослышался. Или Нойманн просто провоцирует его, желает получить повод для нового удара... Хотя, зачем ему повод для этого? Достаточно просто взмахнуть рукой... или двинуть коленом... Или просто кивнуть чокнутому Краузе и отойти в сторону...

И что значит – он попал в это время? Это его время, Торопова. Он живет в нем. Родился и живет. А они... Это они, гестаповцы, сюда попали. Они как-то проникли в его время и ведут себя, словно хозяева... Все наоборот, все вывернуто. В книгах о «попаданцах», к которым и сам Торопов приложил руку, все наоборот – наш современник попадает в прошлое и там его могут допрашивать. Вот там, в книгах, этот вопрос уместен. В устах чекиста, гестаповца, инквизитора...

– Простите... – пробормотал Торопов. – Что вы имеете в виду, когда говорите о проникновении в это время? Вы ведь что-то имеете в виду? Я не отказываюсь отвечать, я просто хочу понять вопрос... правильно понять... Поймите, я... я не безумец, чтобы с вами сейчас спорить...

– Не безумец, – подтвердил Нойманн холодно. – Вы комиссар. Большевик. У нас некоторые не верят, что такие, как вы, способны молчать под пытками. Я, если честно, тоже не до конца в это верю. Но у меня, как я полагаю, сейчас появится возможность проверить ваш фанатизм на излом...

Штурмбаннфюрер говорил и, как бы невзначай, крутил между пальцев заточенную спичку. Медленно, лениво.

Торопов сглотнул. Помотал головой, словно это движение способно отогнать наваждение.

– Я готов ответить на любой ваш вопрос... На любой! – выкрикнул Торопов. – Но для это я должен понимать этот вопрос. Я не смогу ответить на... даже если захочу... А я хочу, хочу ответить... Я...

В небе между веток появился самолет. Белая полоса инверсионного следа медленно ползла по голубому куполу. Люди летят на курорт. В Турцию или Таиланд... Они даже думать не думают о войне и гестаповцах... А тут...

Торопов не пытался понять, как все происходящее стало возможным, в голове бился вопрос «за что?». За что ему такое?

– Не отвлекайся! – Окрик и пощечина настигли Торопова одновременно. – Отвечай на вопросы штурмбаннфюрера. Не переспрашивай, а отвечай!

– Да как же?.. – простонал Торопов и медленно опустился на колени. – Как же я могу отвечать, если я не понимаю... Я Торопов Андрей Владимирович, был членом ВЛКСМ, высшее образование, историк.

– Историк... – повторил за ним Нойманн. – Так вы хотите сказать, что работаете на НКВД вслепую? Не знаете, что сотрудничаете с чекистами?

– С какими чекистами? Да, не знаю, не догадываюсь! Не знаю! – Торопов попытался вскочить, но зацепился ногой за корень, не смог удержать равновесия и упал лицом в прошлогоднюю хвою, рыхлую и колючую. – Не знаю! Не знаю!

– А можно без истерики, господин... – Нойманн сделал паузу, – историк? Мы ведь не звери, готовы рассмотреть любую версию. Презумпция невиновности и для нас имеет значение. Мы – не НКВД. Для нас признание не является лучшим доказательством. Мы предпочитаем работать головой, а не кулаками... Не только кулаками... Значит...

Нойманн присел на корточки возле головы Торопова, сапоги скрипнули.

– Вы не знали, что работали с чекистами. – Голос гестаповца стал ровным, каким-то даже убаюкивающим. – Вы не подозревали, что эти палачи... эти мерзавцы втерлись к вам в доверие и используют в своих целях. Я вас правильно понял?

– Да... – Торопов повернул голову к Нойманну, хотел было выплюнуть хвоинки, попавшие в рот, но сдержался, сообразив, что это может быть воспринято как вызов, как оскорбление. – Вы меня правильно поняли...

– А сами вы чекистов не любите... – продолжил Нойманн. – Ни капли?

– Нет... Не люблю... Ненавижу! – почти искренне простонал Торопов.

Он и вправду начинал ненавидеть чекистов.

И что с того, что у него не было знакомых сотрудников НКВД? Торопов их все равно начинал ненавидеть – всех их, сталинских палачей! Из-за них он сейчас мучится. Из-за них! Будь они все трижды прокляты! Они...

– А как вы объясните это? – почти ласково, как у пойманного на лжи ребенка, спросил Нойманн.

– Что?

Кто-то – по-видимому, Краузе, – больно сгреб волосы Торопова и приподнял его голову.

– Вот это. – В руке Нойманна был листок бумаги, распечатка фотографии на цветном принтере.

На фото был Торопов в гимнастерке и фуражке. Знаков различия на гимнастерке видно не было, но фуражка была НКВД, по цвету не спутаешь, и на рукаве был шеврон.

А ведь Торопову тогда понравилась идея именно такую фотографию поставить в качестве аватарки на сайте. Он даже чувствовал себя в тот момент именно чекистом, выявляющим и разоблачающим врагов... Карающим мечом.

– Я жду ответа, – напомнил Нойманн.

– Это... это шутка... – прошептал Торопов, понимая, что выглядит эта его попытка оправдания жалко и нелепо. – Я... То есть мы... в Сети... вы ведь знаете, что такое Сеть?..

– Да, – засмеялся Нойманн. – Я знаю, что такое Сеть. Я много чего знаю об этом времени... Не отвлекайтесь на технические мелочи. Конкретнее, пожалуйста...

Нойманн посмотрел на свои наручные часы и покачал головой.

– И быстрее. Это в ваших интересах...

– Да, конечно... – Воротник больно врезался в горло, мешал дышать, Торопов дернул головой и замер испуганно, подумав, что этот жест тоже может быть как-то не так воспринят. – В Сети, на сайте, мы обсуждаем... говорим об истории, о книгах, истории посвященных... Мы спорим... полемизируем... И чтобы как-то отразить... отметить тех, кто с нами

вместе активно участвует в дискуссиях, мы и делаем такие вот фотографии... Просто как отличие...

– Правда? – с иронией спросил Нойманн. – Я понимаю, когда кто-то из ваших коллег изображен в форме летчика или танкиста... Инфантильные люди обожают рядиться в настоящих мужчин, могу понять и тех, кто цепляет на себя незаслуженные звания и награды... У вас там и генералы есть, и орденосцы... Но какую заслугу можно отметить, нацепив на себя форму чекиста? Я и сам уважаю настоящие воинские профессии... Но ваши чекисты – это не воины... Это палачи... Вы со мной согласны?

– Н-не знаю... – Торопов бросил быстрый взгляд в лицо Нойманна и торопливо добавил: – Да, согласен. Согласен, конечно... Это была шутка. Ирония, если хотите...

– Сарказм, – подсказал гестаповец. – И вот такие ваши тексты...

Нойманн достал из внутреннего кармана кителя лист бумаги, встряхнул его, разворачивая. – Фашистский последыш... либераст... клеветник... Это все тоже ирония?

Нойманн покачал головой и спрятал бумагу обратно в карман, не складывая, просто скомкал.

– Время!

Нойманн выпрямился, встал на ровные ноги.

– У нас еще куча времени, – сказал штурмбаннфюрер. – Еще семь минут до открытия плюс пятнадцать минут до закрытия... Не нервничай, Пауль...

– Я и не нервничаю. – Пауль сплюнул, плевок ударился в прошлогоднюю хвою перед самым лицом Торопова. – Чего мы с ним тут играемся? Просто вклеить пулю...

– Хорошая идея, – поддержал Краузе. – Есть большевик – есть проблема... Так, кажется, у вас принято говорить?

Краузе толкнул Торопова ногой в бок.

– Я спрашиваю – так у вас говорят?

– Я... я не знаю... не знаю... я не сотрудник НКВД... я...

– Ты просто его поклонник, – сказал Краузе. – Что тебе нравится в НКВД: форма, работа, власть? Ответь, историк! Что тебе больше всего импонирует в деятельности чекистов? Возможность смешать человека с кровавой грязью? Ужас, который они внушали окружающим? Интеллигентская сволочь...

– Что вы так разволновались, дружище? – со смехом спросил Нойманн. – Можно подумать, впервые встречаете такой экземпляр? Мы же с вами понимали, что существует вероятность... С самого начала мы понимали, что этот то-ва-рищ может не быть путешественником во времени, а может оказаться обычным... да, интеллигентской сволочью... Среди наших, можно подумать, нет таких?

– Есть, конечно, есть... Только у них не спросишь, что их привело... Почему эти чистенькие мальчики из университетов так ненавидят обычных полицейских, криминальную полицию, постовых, всячески над ними насмехаются, придумывают клички и прозвища, а вот с секретными службами... С секретными службами сотрудничают с удовольствием и самозабвенно. А этот мог бы мне ответить... – Краузе снова толкнул Торопова носком сапога. – Нужно только спросить...

– Некогда, – с некоторым даже сожалением в голосе, как показалось Торопову, ответил Нойманн. – Поднимите его...

Торопова рывком поставили на ноги.

– Я последний раз задаю вопрос. – Нойманн смотрел в глаза Торопова в упор, с расстояния десяти-пятнадцати сантиметров. – Вы – сотрудник НКВД, заброшенный сюда через временные воронки?

– Я... Нет... – Все перед глазами Торопова плыло и туманилось. – Я – историк... литератор... и я... я прошу вас... прошу...

– Значит, мы можем констатировать, – спокойно сказал Нойманн, – что мы ошиблись и взяли человека, который ничего не знал о возможности временных переходов? Так?

– Да! – радостно выкрикнул Торопов. – Вы не того взяли! Я не знаю ничего о переходах во времени... Не знаю...

Краузе засмеялся.

– Что? – спросил Торопов.

– Не знал, историк. Не знал. Прошедшее время. А теперь – знаешь. Так ведь?

– Я ничего не знаю... Не знаю...

– Ну как же? Ты знаешь, что есть возможность путешествия во времени как минимум из тридцать девятого года в две тысячи двенадцатый. Иначе как бы мы сюда попали? – тихо произнес Краузе, наклоняясь к самому уху Торопова. – Ты знаешь – уже знаешь, – что мы работаем в этом вашем времени, изучили его... Ведь так? Откуда-то мы знаем о Сети, получили твою фотку с сайта, распечатали ее... Что это значит?

– Я ничего не знаю! Это ты говоришь... ты-ты-ты-ты... А я... – Торопов снова посмотрел на небо.

Теперь второй самолет тащил за собой белую линию по небосводу, и линия эта пересекала первую, уже почти растаявшую. Получался почти правильный крест. Крест на всем?

Ведь этот Краузе намекает... Даже не намекает, а говорит прямо, что Торопов теперь знает слишком много. Что Торопов может быть опасен для них, для их операции... И что Торопова теперь можно... нужно убрать...

Сволочи! Как вы сюда попали? Как? И что вы можете здесь делать? Это бред! Это невозможно! Они все подошли почти семьдесят лет назад. Их даже в плен не брали... Они просто не имеют права ему угрожать... Не имеют... И это значит, что это свои, просто притворяются. Переоделись и разыгрывают спектакль. Что с того, что у них есть форма и оружие? Любой мог надеть форму и купить макеты автомата и пистолетов в магазине – этого добра сейчас полно. И начать нести всякий вздор о путешествии во времени, будто содраный из очередной поделки о «попаданцах»... И...

– Сволочи! – теперь уже вслух выкрикнул Торопов. – Не притворяйтесь! Вы же никакие не немцы... не эсэсовцы! Вырядились... У вас же одежда – новье. Даже не обмятая толком. И сапоги, и ремни... Новодел нацепили! Автоматы ваши даже не поцарапаны и не потерты... Вы просто меня пугаете, сволочи! Пугаете! Отпустите меня, иначе все сядете! Все! Кто вас прислал? Кто? Эти, нацики? С этого...

От волнения и злости у Торопова из головы разом вылетели все названия враждебных сайтов. Он кричал, надсаживаясь, словно мог криком развеять наваждение, испугать этих подонков.

– Оставьте меня в покое! Если прямо сейчас вы меня отпустите, то я не стану обращаться в ми... полицию. – Торопов дернул плечами, наручники больно врезались в запястья. – Все закончится здесь и сейчас. Вы меня слышите? А если съемки этого попадут в Сеть, то вы сядете за похищение человека... Вы меня поняли? Поняли меня, уроды?!

– Да... – протянул Краузе. – Товарищ нам не верит...

– А ты бы поверил? – спросил Пауль. – Если бы тебя вот так...

– Я? Не знаю... – Краузе оглянулся на водителя и пожал плечами. – Наверное, нет...

– А что ты хочешь от него? Мы выяснили, что он не чекист, что несет всю эту большевистскую чушь не по заданию партии, а от чистого сердца... Все, тут от него пользы больше нет... – Пауль снял «шмайссер» с предохранителя и левой рукой передернул затвор. – Значит, нам нужно уходить. И оставлять его здесь нельзя...

Пауль говорил без угроз, слова произносил без эмоции, просто информировал всех присутствующих о реальном положении вещей. И это его спокойствие, деловитость его речи

и рациональность его движений подействовали на Торопова сильнее, чем все, произошедшее этим утром.

Если с момента встречи с Нойманном и его командой Торопов просто боялся, тонул в ужасе, так до конца и не поверив в реальность происходящего, так и не сумев впустить в себя мысль о НАСТОЯЩЕСТИ всего происходящего, то вот теперь... только теперь, после слов Пауля, Торопов поверил окончательно.

Это – настоящие гестаповцы. И они на самом деле пришли сюда из тридцать девятого года, и у них не было задачи унижить или испугать Торопова. Им нужна была информация, и они ее получили. Они случайно взяли не того, ошиблись – с кем не бывает? Теперь им нужно уходить, скоро что-то откроется... Нужно уходить, и оставлять здесь человека, видевшего их, узнавшего о таких возможностях нацистской Германии... Нельзя здесь оставлять такого человека...

– Но мне ведь все равно никто не поверит... – простонал Торопов. – Даже если бы я стал рассказывать... я не стану, но даже если бы стал... Мне никто не поверит! Я...

Пауль медленно поднял автомат.

– Я прошу вас, господин штурмбаннфюрер... – прошептал Торопов. – Пожалуйста, господин штурмбаннфюрер... Я могу быть полезен. Я историк, я знаю... я помню... у меня хорошая память, я могу все рассказать вам... Вы ведь из тридцать девятого года? Вы сказали – из тридцать девятого. Из какого месяца? Из какого месяца, господин штурмбаннфюрер?!

Торопов сорвался на крик, на визг, ему было нужно, чтобы немец ответил, чтобы назвал месяц. Торопов много знал о той войне, многое помнил. Тридцать девятый год... Там многое могло произойти. Много, что нужно изменить... Изменить время? Да черт с ним, со временем! Тут главное – выжить. Выжить...

– Из какого вы месяца? – Торопов заскулил. – Месяц, пожалуйста...

Нойманн положил руку на ствол автомата Пауля, опустил к земле.

– Из июля, а что?

– Из июля... – На потном, испачканном землей лице Торопова появилась улыбка.

Хвоинка, прилипшая к щеке, упала.

– В ноябре этого года... – Торопов закашлялся, но смог закончить фразу. – Восьмого ноября в Мюнхене... Будет празднование юбилея «пивного путча»...

– Чего? – с угрозой спросил Краузе.

– Восстания... Восстания. Празднование будет проходить в пивной «Бюргер»... «Бюргербройкеллер»... – Торопов с трудом выговорил название пивной, возблагодарив мысленно бога, что вообще его вспомнил. – Там на Гитлера... на фюрера будет произведено покушение... около десятка старых партийцев погибнет, шестьдесят человек будет ранено... если фюрер там задержится, то погибнет... он...

– Врешь, – сказал Краузе.

– Я не вру... не вру... Я хочу помочь... вам... Великой Германии... я хочу... я могу помочь... Фюрер ведь обычно долго выступает...

– И он что – погиб в тридцать девятом? – спросил Нойманн. – Тогда, восьмого ноября в том подвале?

У Торопова был соблазн... О, какой был соблазн у Торопова сказать, что да, что погиб фюрер (Торопова не удивило, что даже мысленно он называет Гитлера фюрером, и нет в этом наименовании для него ни обычной иронии, ни насмешки). Сказать, что бомба, те десять килограммов взрывчатки рванули, когда фюрер стоял на трибуне, что замысел Георга Эльзера сработал... А потом, когда немцы смогут проверить, свалить все на изменение во времени и истории. Мол, Торопов предупредил, и то самое чудо, о котором писали в статьях и книгах, произошло именно благодаря ему, и фюрер не случайно был краток в тот вечер и покинул собрание за тринадцать минут до взрыва...

И Торопов почти решился соврать, но... В самый последний момент. В самый последний момент он вдруг сообразил, что тогда его потенциальная ценность как источника информации для немцев будет сведена к нулю. Он просто не может знать новой истории, той, что будет происходить после спасения Адольфа Гитлера. Не может...

– Его спасло чудо, – облизав губы, выдал из себя Торопов. – Он ушел за тринадцать минут до взрыва.

– Чудо! – засмеялся Краузе. – А ты на чудо не тянешь. Ты – просто испуганный человек.

– А никто так и не понял, почему фюрер так быстро тогда закончил речь. Может, это благодаря тому, что я вас сейчас предупредил, а вы предупредили его? – Голос дрожал, но логическое построение Торопов возводил четко. – Если бы я вас не предупредил, то...

Краузе оглянулся на Нойманна, улыбка застыла на его лице. Медленно гасла.

– Врет? – с надеждой в голосе спросил Краузе у штурмбаннфюрера. – Ведь врет же?

Нойманн прищурился, рассматривая Торопова. Медленно сунул руку в карман плаща, достал «парабеллум».

– Я вам правду говорю! – крикнул Торопов в ужасе. – Правду! И еще нужно, чтобы фюрер изменил маршрут от своей машины к пивной, на старом его будет поджидать Морис Баво с пистолетом...

– Ну да, – кивнул Краузе, – Баво, да еще Морис, – типично немецкое имя...

Нойманн снял пистолет с предохранителя.

– Он из Лозанны... Он... Это правда! Передайте фюреру, чтобы он изменил маршрут следования... – Торопов ударился затылком о ствол сосны. Еще раз. Ему хотелось жить. О, как ему хотелось жить! Пусть даже ценой изменения истории, ценой уничтожения всего, что окружало его с самого рождения.

Жить. Жить-жить-жить-жить-жить...

Щелкнули наручники, освобождая Торопову руки.

– Повернись ко мне спиной, – сказал Нойманн.

– Ну... ну пожалуйста... – Торопов даже хотел снова стать на колени, но не смог заставить себя даже пошевелиться – дуло пистолета смотрело ему в лоб. – Не убивайте, я могу быть полезен... Я клянусь, что буду полезен...

– Ко мне спиной, – повторил Нойманн. – Считаю до трех. Раз.

Торопов повернулся.

Он стоял на вершине небольшого холма. Если его сейчас убьют, то тело... мертвое тело покатится по склону, довольно крутому в этом месте, и остановится у того вот пенька. Немец выстрелит в затылок. Они всегда стреляют в затылок. Так надежно. И безболезненно. Говорят – безболезненно. Хотя... откуда они это знают – писаки? Быстро – да, а вот безболезненно...

А что, если прав был Бирс в своем рассказе про Совиный ручей, и казненный за секунды агонии успевает прожить еще кучу времени? И если боль, мучения растянутся для Торопова на часы, а то и на годы...

Торопов втянул голову в плечи.

Можно было прыгнуть вниз и побежать. Эта мысль даже мелькнула в мозгу у Торопова, но мелькнула и исчезла. Он просто не мог себя заставить бежать. Он мог только стоять на ослабевших ногах и ждать, когда прогремит выстрел... Выстрел, которого он, может, и не услышит. Пуля пробьет ему затылок, разворотит мозг, взбьет его и выплеснет наружу...

– Я не хочу умирать, – пробормотал Торопов. – Я не хочу...

– Три шага вперед, – скомандовал Нойманн.

Торопов зачем-то кивнул, но не смог сдвинуться с места.

– Три шага вперед, оглох, что ли? – Краузе легко толкнул Торопова в плечо, и тот сделал шаг.

И второй.

И третий.

Солнце померкло. Исчезло. Наступила темнота.

Он не услышал выстрела. Он – не услышал выстрела! И это – смерть? Эта темнота – смерть?

Торопов рухнул на колени, прижал руки к лицу.

Вверху над головой шумел ветер, скрипело дерево, терлось веткой о ветку. Вскрикнула какая-то птица.

Торопов медленно убрал руки от лица, открыл глаза.

Темнота не была кромешной. Вверху между ветками деревьев были видны звезды – Торопов не сразу сообразил, что эти мерцающие огоньки именно звезды. Нужно было поверить в то, что вместо дня его теперь окружает ночь. Что, сделав три шага, он вдруг оказался в другом времени...

В другом времени?

Торопов вскочил на ноги, оглянулся и вскрикнул – в лицо ему ударил луч света – яркий, твердый.

– Вам повезло, господин историк, – прозвучало из темноты. – У вас появился шанс.

Свет резал глаза, но Торопов не отводил взгляда и не пытался прикрыться рукой – по его лицу текли слезы, и он хотел, чтобы немцы их видели. Они должны понять, что он... Они должны поверить в его искренность. Должны.

– Ладно, – сказал Нойманн. – Сейчас прогуляемся к машине, а утром мы с вами поговорим. Надеюсь, за ночь у вас не пропадет желание сотрудничать со Службой Безопасности?

9 июля 1941 года, Юго-Западный фронт

Линию фронта проскочили без проблем. Собственно, то, что это они линию фронта только что пересекли, Лешка сообразил не сразу, только когда заметил несколько осветительных ракет, взлетевших снизу, понял, что вот это вот и есть фронт.

Он, вытянув шею, попытался рассмотреть линии окопов, но ничего, кроме нескольких пунктиров трассирующих пуль, не увидел. Ночью все нормальные люди спят, напомнил себе Лешка и вздохнул.

Так то – нормальные.

А он с командиром, судя по всему...

Нет, за капитана Костенко Лешка был готов любому бить рожу в любое время, хоть днем, хоть ночью. На свете у Лешки больше и не было никого, кроме капитана и Олежки Зимянина. Экипаж – это крепче и надежнее, чем семья. Лешка был в этом уверен, убедился на собственном опыте.

Лешка снова вздохнул и посмотрел вверх, на звезды. Наверное, нужно было оглядываться по сторонам, высматривать немецкие истребители, только какие тут могут быть немецкие истребители? Ночью, в стороне от главного удара. Вот утречком, когда станет светло, вот тогда немцы снова разгуляются. И бортстрелкам, если они хотят вернуться живыми из полета, нужно будет крутить головой на все триста шестьдесят градусов...

Хотя и это помогает далеко не всегда. Встреча «петлякова» с парой «мессеров» чаще всего проходит для бомбардировщика невесело, а для стрелка-радиста этого бомбера – так и вообще печально.

Лешке везло. Возможно, ПОКА везло, но тут уж ничего не поделаешь. Ты стреляешь в истребитель, он – в тебя, у тебя один пулемет, у него четыре, или пара пушек, он может выбрать направление атаки, а ты... ты стреляешь-стреляешь-стреляешь, пока не закончатся патроны или твоя жизнь... Пуля с истребителя прошивает фюзеляж насквозь с двойным четким щелчком: тук-тук. Вход-выход. Услышал оба – повезло. А если щелкнуло только один раз – может быть, пуля застряла в тебе, может, даже уже и убила, только ты этого еще не знаешь.

«У-2» накренился, заходя в вираж, Лешка глянул вниз через борт и ничего не увидел – темнота и темнота. Оставалось надеяться, что Костенко ориентируется на местности и не придется кружить до рассвета, а потом...

Пилот биплана в машине шлемофона с очками не оставил, в результате Лешка летел с непокрытой головой, ветер свистел в ушах и резал глаза, стоило только высунуться из-за козырька кабины.

Но даже пригнувшись, Лешка не мог полностью спрятаться от ветра – в борту было две дырки от пуль, механики при ремонте на них внимания не обратили, и теперь две упругих струи воздуха выдували из-под Лешкиной гимнастерки остатки тепла. Нужно было перед полетом хотя бы комбинезон надеть, но было не до того.

Вообще он не сразу сообразил, что именно задумал их командир. Если бы во время полета капитан не попросил штурмана глянуть на двор крайней хаты в той деревеньке, а Лешка не вспомнил бы рассказ Костенко о том, как тот служил на Дальнем Востоке, то проморгали бы они капитана. А со взлетом на «У-2» командир и сам бы что-нибудь придумал.

Сказал бы, например, туповатому водителю бензовоза, стоявшему на посту, что есть приказ комполка слетать на разведку, приказал бы крутануть винт – всех делов. Никуда бы водитель не делся. И Лешка остался бы на аэродроме, и штурман... А что, кстати, штурман? Как командир сумел мимо него проскочить? Неужели Олежка вот так просто разрешил своему ближайшему другу совершить глупость, а сам остался в палатке, досыпать?

Лешка посмотрел на капитана. Тот управлял самолетом, высунув голову в сторону, что-то высматривая внизу. Шлемофон застегнут, кричи – не докричишься, а еще и мотор трещал немилосердно, отсекая от самолета все другие звуки. Ладно, успокоил себя Лешка, потом спрошу, как приземлимся.

Дико хотелось спать – вчера вылетали на рассвете, поспать перед полетом удалось всего часа три. Вернулись – спать не легли: пока сочиняли всем экипажем рапорт, пока сдавали машину приемщикам, пока обедали и собирали вещи... Потом Лешка заметил, что командир сам не свой, обсудил это со штурманом, и стало не до сна. Сейчас, несмотря на тряску, холодный ветер, грохот мотора, Лешка сполз на дно кабины и закрыл глаза.

Штурман сказал, что Лешка дурак. Сказал, что командир задумал глупость, опасную глупость, и экипаж обязан его остановить. Они его друзья, сказал штурман.

Пойди и доложи Товарищу Уполномоченному, предложил Лешка. Тот отреагирует, прицепится к капитану, как репей, будет сидеть рядом хоть всю ночь. Или в засаду ляжет у самолета. Стукани, предложил Лешка.

Дурак, что ли, обиделся штурман. С Юркой поговорить нужно. Вот и поговори, сказал Лешка.

– Только он тебя слушать не станет, кто ты ему такой? – Друг. – А там – его семья. – Нет там никакой семьи, откуда она там могла взяться? – А если есть? Это же семья... От нее нельзя отказываться...

Лешка последнюю фразу тогда не произнес. Не смог, побоялся, что Олег даже не станет напоминать ему ничего, просто замолчит и отвернется, пожав плечами. Не Лешке рассуждать о семье и о том, что от нее отказываться нельзя...

...Комсорг сказал Лешке, что его могут исключить из комсомола. Сын предателя не может быть комсомольцем. Да, он не помогал отцу, но ведь и не помешал? Не помешал ведь, Леша? Я-то понимаю, что ты мог не знать, но вот бюро... Бдительность ты не проявил? Не проявил. Батя твой ведь не вчера с троцкистами связался, небось дома не особо сдерживался, что-то прорывалось у него. А ты прозевал! Позевал?

– Прозевал, – кивнул Лешка. – Не помню, чтобы он что-то такое...

– Не помню... – передразнил его комсорг. – Вот так же блять будешь и на заседании бюро? Так же? Расслабился, не подумал, что даже самый близкий человек может оказаться врагом... Что писал товарищ Сталин про обострение классово-борьбы?

– И что мне теперь делать? – в ужасе спросил Лешка. – Что делать?

Он ведь мечтал об университете, хотел стать физиком. И что теперь? Кем может быть сын участника троцкистского подполья?

– А что еще ты можешь сделать? – Комсорг полез в карман куртки, достал листок бумаги. – Я вот для тебя набросал. Почитай. Потом пиши заявление, а я соберу сегодня собрание. Вы выступишь... Вы выступишь?

И Лешка выступил.

Одноклассники, сидевшие за партами, ему в глаза не смотрели. Слушали, глядя на крышки парт, на доску, на свои руки – куда угодно, лишь бы не видеть его лица.

– Я отрекаюсь от своего отца, я не хочу иметь ничего общего с мерзавцем, покусившимся на самое дорогое, что есть у советского человека... – Лешка чувствовал, что задыхается, щипало в глазах, лицо горело, но он упрямо продолжал говорить, произносил заученные слова и пытался убедить себя в том, что так нужно. Для него нужно, для матери его нужно...

Матери кто-то рассказал. Когда Лешка вернулся домой, она не поздоровалась с ним, не ответила ни на один его вопрос. Молча накрыла на стол, молча убрала грязные тарелки и помыла посуду. Когда Лешка утром проснулся – матери дома не было. На перемене после

третьего урока его вызвал директор и сказал, что его мать сегодня утром попала под машину. Насмерть.

– У тебя еще есть родственники? – спросил директор.

Лешка хотел ответить, что да, что есть дед, но вспомнил, что дед Николай – отец его отца.

– У меня нет родственников, – сказал Лешка.

Через три дня его отправили в детский дом.

...Самолет резко встал на крыло, развернулся, двигатель вдруг стих, и стало слышно, как ветер свистит в расчалках между крыльями. Лешка вскинулся, сердце колотилось быстро-быстро, лупило изнутри в грудную клетку, пыталось подпрыгнуть и выскочить наружу через горло. Лешка выпрямился, подставил горящее лицо под холодный ветер.

Костенко оглянулся через плечо, лунный свет отразился на стеклах летных очков. Лешка показал ему большой палец правой руки, Костенко кивнул и отвернулся.

Самолет снижался, но как ни старался Лешка, рассмотреть, куда именно планирует аппарат, он не смог.

Вот будет смешно, если наскочит самолет на дерево, подумал Лешка. Хотя да, в этой степи дерево еще нужно будет отыскать. Значит, наскочим на какой-нибудь плуг или там борону. Ее положили зубьями кверху, чтобы не мешала... Лешка давно уже научился бороться с воспоминаниями. Нужно отвлечься, думать о чем-то легком, заставить себя улыбаться – воспоминания отступят. Всегда отступали, до следующего раза.

Какая борона? Какая может быть борона в июле? Ее утащили на колхозный двор или на машинно-тракторную станцию. Командир посадит машину четко и аккуратно. Спланируем, приземлимся... Ну, тряхнет немного при посадке – и все.

Лешка взял в руки винтовку. Длинная «трехлинейка» никак не вмещалась в кабину, ни вдоль, ни поперек. Не хватало, чтобы при посадке она вылетела наружу... Хотя лучше, конечно, ее потерять, чем разбить о нее лицо.

Справа от самолета внизу мелькнуло светлое пятно – луна отразилась от поверхности какого-то водоема. Наверное, командир по нему ориентировался. Сам-то он из этих мест, здесь вырос, отсюда в летную школу уехал. Значит, опустит аппарат аккуратно, без аэродромной эквилибристики.

И...

Удар, самолет подпрыгнул, потом снова ударился шасси о землю, подпрыгнул еще раз...

Лешка одной рукой держал винтовку, другой вцепился в край кабины.

Еще удар.

Сели. Самолет пробежал еще несколько метров и замер.

Лешка попытался сплунуть за борт, но во рту пересохло.

– Как дела? – спросил Костенко, стаскивая с головы шлемофон.

– Вот всю жизнь бы только и летал на «У-втором», – сказал Лешка. – Комфорт, уют, бортпроводницы с прохладительными напитками...

– Будешь ждать, пока трап подадут? – осведомился Костенко, выбираясь из кабины.

Видно, что давненько он не садился и не выбирался из «У-2», не сразу попал ногой на ступеньку, чуть не сорвался, удержался руками за край пилотской кабины.

Лешка подождал, пока командир выберется на землю, подал ему винтовку, а потом выпрыгнул и сам.

– Хорошо, – одобрил Костенко. – У тебя сколько патронов к винтарю?

– Пять в магазине. – Лешка забрал свое оружие, снял его с предохранителя. – Часовому у нас больше не положено.

– У меня – восемь, – сказал капитан, передергивая затвор «ТТ». – И это значит...

– Это значит, что в перестрелку нам лучше не вступать, – закончил за командира Лешка. – А если что – смело действовать штыком и прикладом. У меня как раз есть оба. А у вас?

Костенко хмыкнул.

– Что делаем дальше? – спросил Лешка, пытаясь высмотреть, в какой стороне находится деревня, но ничего не смог разобрать. Несмотря на громадную луну в небе, видимость была метров на сто, дальше все терялось во мраке. – Где эта Чисто... как ее?

– Чистоводовка, – сказал Костенко и указал рукой вправо. – Вот там она, метрах в пятистах.

– Большая деревня? – Лешка вдруг осознал, что находятся они за линией фронта и что вполне можно нарваться на немца.

Лешка перешел на шепот.

– А немцев в ней нет?

– А черт его знает, – пожал плечами Костенко. – Когда сегодня пролетали – вроде ничего такого не видел. Ни машин, ни телег, ни зенитного огня. От трассы деревня в сорока километрах, от железной дороги – в пятидесяти. Фронт через эти места прошел с неделю назад. Может, немцев тут и нет. Что им тут делать?..

– Оккупировать, – сказал Лешка шепотом. – Они же оккупанты.

– Значит так. – Костенко взглянул на часы. – Остаешься здесь, ждешь...

– Ну? – изумился Лешка. – Вот так вот сижу и жду? И зачем?

– Не понял? – чуть повысил голос капитан. – Младший сержант Майский, выполняйте приказ.

– А если нет? – осведомился Лешка. – Если не выполню? Мы же с вами, товарищ капитан, вроде как в самоволке. И даже преступники. Я вон часовому по голове дал, а вы аппарат угнали. Какой такой приказ?

– Лешка, не зли меня...

– Я и не злю, я головой работаю и вам предлагаю. Что я тут делать буду? Ждать? Это чтобы со мной чего-либо не случилось или с самолетом? Если у вас что-то не так, то я никуда улететь в любом случае не смогу – не обучен. Да и не заведу эту шарманку в одиночку. Так? Если кто-то на аппарат наткнется, я, конечно, героически выстрелю пять раз и пойду в штыковую атаку, но и вы, значит, улететь не сможете. – Лешка вздохнул. – Я уж лучше с вами, товарищ капитан. На шухере постою. Знаете, как я на шухере умею стоять? У нас в детском доме никто лучше меня на нем не стоял... Ни разу пацанов никто врасплох не застал. Честно-честно... Даже когда в засаду мусорскую попали, так я заметил и...

– Так ты еще и малолетний преступник ко всем твоим достоинствам, – обреченным тоном произнес Костенко. – И... Я с тобой потом разберусь.

– Ага, после победы, – быстро согласился Лешка. – Лучше скажите, в какой дом двинемся?

Костенко вздохнул.

– Ну, товарищ капитан... – протянул Лешка. – Ну, в самом деле...

– Крайний дом, – сказал Костенко. – Зайдем со стороны огорода, собаки нет...

– А дом какой?

– Какой-какой, что, сверху не видел, какие тут дома? Мазанка с соломенной крышей. В деревне, когда я последний раз приезжал, было только два кирпичных строения – клуб и школа. Зато какие тут баштаны...

Костенко снова посмотрел на часы.

– Значит, сейчас – почти два часа ночи. Лучше бы нам обернуться за час, не дольше. А потом рванем домой, хотя и так и так придется линию фронта пересекать уже засветло.

– Проскочим, – уверенно сказал Лешка. – Лишь бы здесь все получилось.

Получится, мысленно пообещал Костенко и двинулся вперед, к деревне. Не может не получиться. Два белых, один красный – нужна помощь.

Капитан держал пистолет в опущенной руке, шел ровным шагом, не ускоряясь. Это при лунном свете поверхность кажется ровной и гладкой, а на самом деле... Под ногу попал сухой комок земли, капитан вполголоса выругался.

Спокойно, не психовать. Может, вообще просто нелепое совпадение. Тетка Гарпина стирала белье, потом повесила сушить, и случайно получилось... А он войдет в хату, здравствуйте, дорогие родственники... Тетка будет рада, и дед Сидор тоже. С ходу предложит выпить самогона, который гнал до войны, не обращая внимания на попытки участкового поймать нарушителя государственной монополии...

И получится, что все было напрасно... Что напрасно он бил Олежку, напрасно потащил за собой Майского... Окажется, что Лиза с детьми не сюда приехала, не к его родственникам, а поехала дальше, на Донбасс, или даже в Сталинград.

Два белых и красный...

Они придумали этот сигнал в тридцать седьмом, когда Лизе с ребенком пришлось поселиться в селе километрах в десяти от аэродрома. Телефона не было, поэтому Костенко, возвращаясь из полета, всегда пролетал над деревней. Два покачивания крыльями – привет! Три белых – все хорошо, два белых и красный – срочно нужна помощь.

В октябре тридцать седьмого, когда группа белоказачков прорвалась из Маньчжурии через границу, сигнал этот выручил всех в деревне. И когда у Сережки, старшего сына, в сороковом вдруг начался жар, Костенко увидел сигнал, вывешенный Лизой, успел вывезти мальчишку в больницу... Врач сказал – в последний момент.

Два белых и красный...

– Тихо очень, – прошептал Лешка, подойдя к Костенко.

– Ночь... – сказал капитан.

– Да нет, не в том дело... Собак не слышно. – Лешка покрутил головой, словно это движение могло заставить деревенских собак подать голос. – У ваших, вы сказали, собаки нет, а у других? Всегда собаки перегавкиваются, сколько раз я был в деревне, всегда какая-то дура гавкнет, а остальные будут отвечать... А сейчас – тихо. Я от самого аэроплана прислушиваюсь – как вымерли собаки.

– Может, немцы прошли? – задумчиво произнес Костенко.

– Может, и немцы, – согласился Лешка. – Только давайте я первым схожу к хате.

– И что ты скажешь? Меня-то они узнают по голосу, а тебя? Дядька у меня такой, что может чем-нибудь и поперек спины перетянуть... А если в деревне действительно есть немцы? – Костенко потер ладонью подбородок, подумал, что уже второй день не бреется, нехорошо это. – Остаешься здесь, а я схожу в дом. Если какой шум или еще какая суета – уходишь.

– Куда? – спросил Лешка.

– Куда угодно. Через фронт к нашим, в примачки к какой-нибудь молодке... Просто уходишь, исчезаешь. Даже самолет не жжешь, чтобы себя не выдать. Понял?

– Понял. – Лешка присел на корточки, положил винтовку себе на колени. – Буду ждать.

– Жди, – сказал Костенко, хотел протянуть руку на прощание, но спохватился, что выглядеть это будет слишком уж мелодраматично, и пошел к дому.

Капитан шел по тропинке через огород и пытался вспомнить – много было собак в Чистоводовке, когда он приезжал сюда в отпуск, или нет? Лаяли, наверное, только тогда он на это внимания не обратил. А сейчас... Ну, уснули собаки, утомленные дневной жарой.

Возле дома росла яблоня – высокая, раскидистая, ее еще прадед Костенко посадил. От ствола яблони к оглобле, вкопанной в землю, была натянута бельевая веревка.

Костенко осторожно подошел к ней. Две ночных сорочки и красная блузка, которую он подарил Лизе в прошлом году. Два белых и красный.

Не примерещилось...

Костенко оглянулся на огород, но Лешку видно не было.

Ладно, пробормотал Костенко. Значит, два белых и красный, не ошибся. И вещи Лизины, значит, она с детьми добралась только сюда. Ничего, это не страшно. Он прилетел, значит, все будет хорошо. Просто прекрасно, как любила говорить Лиза. Хорошо, просто прекрасно.

Костенко осторожно подошел к дому. Окно было закрыто, но его на ночь всегда закрывают, чтобы не налетели мухи и комары с левады. Постучать?

Капитан прислушался. Тихо. Свет не горит.

Постучать в окно?

Костенко даже поднес левую руку к раме, но остановился. Нужно глянуть еще дверь. Мало ли что.

За себя он не боялся, но не хотел, чтобы все сорвалось из-за ерунды. Из-за какого-нибудь нелепого пустяка. Он постучит в окно, например, а в комнате возле него спит какой-нибудь немец. Лучше потерять несколько минут, чем лишиться всего...

Костенко посмотрел на восток, небо над горизонтом уже светлело, нужно все-таки поторопиться.

Дверь была закрыта изнутри на щеколду. Немудреный деревенский замок. Костенко осторожно нажал на клямку – плоский круглый рычажок над дверной ручкой, щеколда приподнялась. Костенко, не отпуская клямку, открыл дверь (она еле слышно скрипнула), пальцами бесшумно опустил щеколду.

Еще раз огляделся по сторонам – улица была пустынна. И собаки не лаяли.

Фонарик нужно было с собой брать. Не подумал.

Костенко осторожно вошел в дом.

У входа в небольшом коридорчике дядька хранил всякий скарб. Старые ведра, грабли, лопаты. Не зацепить бы.

Костенко осторожно двинулся по коридорчику, левой рукой, кончиками пальцев касаясь стены.

Дверь.

Капитан взялся за ручку. Если на засове, то придется стучать. Хотя в деревне почти никогда двери не закрывались. Так, прикрывали, чтобы куры не вошли или собака не заскочила.

Костенко потянул дверь на себя, замер, когда послышался тихий протяжный скрип. Подождал несколько секунд и снова потянул дверь.

В доме пахло травами. И чем-то жареным. А еще явственно воняло самогоном, не тем, что перегонял дядька, настоящим на ягодах, – разило откровенной сивухой. И разило сильно, будто кто-то разлил в комнате не меньше литра мерзкого пойла.

Костенко шагнул в темноту. Прикрыл за собой дверь.

В доме комната была одна. Поперек комнаты стояла большая печь, а за занавеской стояла двуспальная кровать, которую дядька с женой всегда уступали Костенко и его жене. Сами ложились на печке.

Стараясь ступать бесшумно, Костенко прошел к занавеске, осторожно отодвинул ее в сторону.

На кровати спали двое. В полумраке было не разобрать, кто именно, но, по-видимому, дядька и тетка Гарпына.

Как же их разбудить, подумал Костенко. Подойти, тронуть за плечо? Или просто окликнуть?

Мужчина на кровати всхрипнул – голос сильный, не старый. Не похож на дядькин прокуренный дискант.

В доме кто-то чужой...

Костенко попятился, зацепил ногой табурет, на пол, загремев, свалилась жестяная кружка.

Капитан замер.

– Кто здесь? – прозвучало от кровати, луч света скользнул по стене и уперся в лицо Костенко, ослепив его.

Если бы вопрос прозвучал по-немецки, капитан бы просто выстрелил, не задумываясь, но к нему обратились по-русски, и Костенко только прикрыл левой рукой глаза.

– Твою мать... – кровать скрипнула. – Какого хрена?..

– Уберите фонарь, – сказал Костенко.

– Ага, сейчас...

В темноте за фонарем раздался щелчок, капитан понял, что это сняли с предохранителя пистолет, вскинул свой «ТТ», но не выстрелил – невидимый противник мог держать фонарик в вытянутой в сторону руке, и выстрелив, Костенко вряд ли попал бы, но ответную пальбу спровоцировал бы в любом случае. И ответная пуля была бы куда точнее, чем его собственная.

– Пушку опусти! – приказал голос из-за фонаря. – Опустит, сказал, а то выстрелю! Ну!

Костенко медленно опустил пистолет.

– Хорошо, – одобрил голос. – Теперь положи пистоль на пол. На пол, я сказал! Дернешься – я тебе бошку прострелю... Положил!

Капитан скрипнул в бессильной ярости зубами, медленно наклонился и положил пистолет на пестрый вязаный половичок.

– К стене отойди.

Костенко выпрямился и сделал два шага назад. Проклятая кружка снова попала под ногу и снова загремела, отлетая к печке.

– Лизка, слышь, Лизка, проснулась?

– Да.

Костенко вздрогнул, услышав голос своей жены.

– А если проснулась, то встань и зажги лампу. Только между мной и гостем не лезь, а то ведь я обоих порешу. Рука не дрогнет. Потом, может, над твоей могилкой поплачу... Немного.

Костенко закрыл глаза.

Этого не могло быть. Его жена... И этот голос. Двухспальная кровать. Этого не может быть... Это не Лиза, просто родственники пустили кого-то на постой. Беженцев каких-нибудь...

Щелкнула, загораясь, спичка. Звякнуло ламповое стекло.

– А я тебя знаю! – провозгласил голос. – Мы ж с тобой, Юрка, знакомы! Глянь, Лизка, муж твой явился... Что, сбили тебя, авиатор?

Это был Никита Карась. Постаревший Никита Карась. В неверном свете лампы он выглядел лет на сорок. Недельная щетина на лице, мешки под глазами старили ровесника Костенко и делали его... страшнее, что ли...

А за спиной Карася стояла Лиза. В кружевной ночной сорочке, босая.

Она похудела, глаза запали... На щеке что-то блеснуло – слеза? Лиза плачет?

Нелепая ситуация. Страшная и унижительная – застать свою жену в постели с другим. Костенко был готов к чему угодно, кроме этого. Значит, сигнала не было? Она просто повесила стираное белье, а он... Он решил, что нужно ее спасти.

– А где Сидор Иванович? – спросил Костенко.

Дед Сидор никогда не позволил бы такого непотребства в своем доме. Быстро навел бы порядок. Да и тетка Гарпына не смолчала бы.

– Они... – тихо сказала Лиза и всхлипнула. – Умерли они... Два дня назад.

– Как умерли?

– А так, как в книге, – усмехнулся Карась, огонек лампы отразился в его глазах. – Помнишь, в школе читали? Жили долго и счастливо и умерли в один день... Я бы даже сказал – в одну минуту.

Пистолет в руке Карася качнулся, громадная тень скользнула по стене. Пушка была роскошная – длинноствольный «маузер»-«девятка».

– Умерли... – еле слышно произнес Костенко.

– Умерли, подожди... Как тебе больше нравится, – снова ощерился Карась. – Не лезли бы со своими криками – до сих пор были бы живы. Я их добром попросил – не суйтесь вы в мою личную жизнь. Так нет же, дед в драку кинулся, а когда пулю словил и подышать стал, тетка Гарпына за нож схватилась... И как тут было ее не пристрелить? Ты не переживай, если что, умерли они быстро, не мучились почти. Тетка пулю в лоб заполучила, а дед первую в живот, а вторую – в голову. Дернулся так и затих... Хоть бы при детях драку не затевали, а то ведь каково оно мальчишке и девчонке смотреть, как мозги родичей по комнате разлетаются?

– Где дети? – севшим голосом спросил Костенко.

– А там, в комнате спят, – Карась указал на печку левой рукой. В правой у него был «маузер», и «маузер» неотрывно смотрел в живот Костенко. – Умаялись за день, набегались, их теперь и из пушки не разбудишь. Хотя... – Карась посмотрел на свой «маузер». – Из этой, пожалуй, разбудишь. Так что давай без стрельбы...

– Я оденусь, – сказала Лиза.

– А зачем? – засмеялся Карась. – И я, и он тебя всякой видели... и по-всякому... Мы с тобой, капитан, теперь вроде как родственники... Братья почти. Не дергайся, пристрелю... Тебя вначале, а потом детей твоих. Бабу не трону, баба мне пока не надоела. Ты ее хорошо научил, мне нравится... Старательная она у нас с тобой...

Карась, не глядя, схватил Лизу за плечи, притянул к себе. Сжал левой рукой ее грудь. Сильно, Лиза застонала, но отстраниться не посмела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.